

Станислав Рузанов

**ТРЕТЬЯ РЕВОЛЮЦИЯ
ВЛАДИМИРА
МАЯКОВСКОГО**

**85-летию со дня смерти
поэта пролетарской революции
(19.VII.1893 – 14.IV.1930)**

Москва, 2015.

УДК 821.161.1.0 (092) «Маяковский»

ББК 83.3 (2Рос=Рус)-8

Третья революция Владимира Маяковского. *Научно-публицистическое издание.* Библиотечка сайта ООД «Трудовая Россия». – М.: Изд-во «Русский печатный двор», 2015.

В настоящей брошюре повествуется о том, почему никогда не была опубликована поэма «Плохо»; почему Владимир Маяковский стал предвестником не только «второй» Октябрьской, но еще и «третьей» революции – «Революции духа»; и о том, почему поэт имел все основания быть уверенным, что достоин лежать «с легшими под красным флагом».

ISBN

*Не верили, считали - бредни,
Но узнавали от двоих,
Троих, от всех. Равнялись в строку
Остановившегося срока*

*Дома чиновниц и купчих,
Дворы, деревья, и на них
Грачи, в чаду от солнцепека
Разгоряченно на грачих*

*Кричавшие, чтоб дуры впредь не
Совались в грех, да будь он лих.
Лишь бы на лицах влажный сдвиг,
Как в складках порванного бредня.*

*Был день, безвредный день, безвредней
Десятка прежних дней твоих.
Толпились, выстраясь в передней,
Как выстрел выстроил бы их.*

*Как, сплющив, выплеснул из стока б
Лещей и щуку минный вспых
Шутих, заложенных в осоку,
Как вздох пластов нехолостых.*

*Ты спал, постлав постель на сплетне,
Спал и, оттрепетав, был тих,-
Красивый, двадцатидвухлетний.
Как предсказал твой тетраптих.*

*Ты спал, прижав к подушке щеку,
Спал,- со всех ног, со всех лодыг
Врезаясь вновь и вновь с наскоку
В разряд преданий молодых.*

*Ты в них врезался тем заметней,
Что их одним прыжком достиг.
Твой выстрел был подобен Этне
В предгорьи трусов и трусик.*

Борис Пастернак.
«Смерть поэта». 1930 г.

14 апреля 1930 г. Москву мгновенно облетела ошарашившая всех новость: «точку пули в конце» поставил Владимир Маяковский. Современники даже в самом факте трагической развязки поэта засвидетельствовали нечто жизнеутверждающее. И вполне оправданно. Образ живого Маяковского слабо уживался, а то и прямо противоречил факту смерти, неожиданно для всех произошедшей.

Поэт Борис Пастернак успел увидеть, как даже на смертном одре, в душной комнате в Гендриковом переулке, куда тело поэта перенесли из его рабочего кабинета на Лубянке, Маяковский «в этом своем сне» упорно «куда-то порывался». Семен Голодный, автор героической песни о героическом Щорсе, разглядел как «над весенним московским днем», «над плантациями Мексики» и над «вишнями Японии» начиналась «вторая жизнь Маяковского» – его бессмертие.

Художник Борис Ефимов и журналист Михаил Кольцов вспоминали, как во время прощания в Доме федерации советских поэтов, в память неизгладимо врезался несоразмерный громадному росту Маяковского гроб, в который он словно упирался подкованными железом ботинками. Современникам запомнится также венок, принесенный к гробу поэтами-конструктивистами. Он был сооружен из металлических деталей. Железный венок – железному поэту.

Из далекой эмиграции поэтессе Цветаевой удалось запечатлеть как «мертвый пионерам крикнул: – Стройся!» Вдохновленная необъяснимой эстетикой похорон Маяковского, Цветаева посвятит целое стихотворение подкованным ботинкам революционного поэта. Впоследствии ей не раз придется обращаться к теме «восстания» Маяковского, которое, как ей представлялось, она разглядела в самом факте его самоубийства...

В отличие от посмертной поэмы «Во весь голос», свое предсмертное послание Маяковский адресовал уже не потомкам, но современникам. «ВСЕМ» – так, словно воззвание или манифест, коих в своей жизни он написал немало, начинал свое предсмертное обращение «агитатор, горлан, главарь».

«В том, что умираю, – продолжал он – не вините никого и, пожалуйста, не сплетничайте. Покойник этого ужасно не любил. Мама, сестры и товарищи, простите – это не способ (другим не советую), но у меня выходов нет...» Дальше обращение к «Товарищу правительству» о

сносной жизни для членов семьи, просьба отдать начатые стихи Брикам – «они разберутся», и наконец: «Счастливо оставаться. Владимир Маяковский».

Однако просьбу покойного поэта «не винить никого» и, особенно, «не сплетничать» никто даже не думал выполнять. Было ясно, что сплетничать будут. И будут винить. С последним, правда, куда сложнее, чем с первым. Смерть поэта пробудила множество, даже самых невероятных версий и сплетен, многие из которых, впрочем, были отмечены поздней судмедэкспертизой, беспристрастно подтвердившей главное: Маяковский действительно покончил с собой. Что, вместе с тем, отнюдь не снимет вопрос о причинах – объективного или субъективного плана – ускоривших трагическую развязку или к такой развязке поэта подтолкнувших.

Узость мотива

«Я с жизнью в расчете» – гласило вкрапленное поэтом в предсмертную записку четверостишие. Но в это («с жизнью в расчете») упорно не хотели верить многие и вскоре, кажется, нашли подтверждение своим сомнениям.

В черновом варианте «второго лирического вступления в поэму», дошедшего до нас незавершенным наброском (в сочинениях Маяковского оно неизменно обозначается как «Неоконченное»), обнаружится строка: «с тобой мы в расчете».

Вроде бы все сходилось. Причем сходилось до того здорово, что автор официальной биографии поэта «Жизнь Маяковского» А.Колосков (по некоторым данным при жизни самого Маяковского относился к нему с нескрываемой прохладой) ровно через двадцать лет после смерти поэта резюмировал: именно в этом обращении к любимой женщине есть «совершенно ясное и определенное объяснение причины того, что заставило его преждевременно уйти из жизни».

Однако подобное объяснение не могло не казаться слишком упрощенным. Для революционного времени, с которым неразрывно отождествлял себя и свое творчество Маяковский – даже вульгарным. А главное, не совсем вязалось такое объяснение и с самой биографией поэта. Сохранились свидетельства как минимум о нескольких серьезных его увлечениях. Лили Брик, Татьяна Яковлева, а позднее Вероника Полонская в разное время являлись поэтическими музами Маяковского. Известно, что из-за Лили склонный к русской рулетке поэт-максималист однажды даже стрелялся, но пистолет якобы дал осечку.

Какова подлинная причина подобной попытки *демонстративного* самоубийства – со слов Лили, Маяковский позвонил ей и сказал, что «стреляется» – эпатаж салонной дореволюционной Москвы или напоминание возлюбленной о своем существовании (Маяковский всегда был немного эгоцентристом), сказать трудно. Но факт остается фактом. Никогда прежде любовные неудачи не подводили так решительно поэта к мысли о самоубийстве. Более того, сам Маяковский, словно уверяя и себя и окружающих, всякий раз отрицал фатализм на почве любовных отношений и в этом своем отрицании выглядел более чем жизнеутверждающим и последовательным.

«И в дверной проем не брошусь и не выпью яда» – адресовано Лили Брик в 1912 год. А это – «в поцелуе рук ли, губ ли, в дрожи тела близких мне красный цвет моих республик тоже должен пламенеть» и «я все равно тебя когда-нибудь возьму – одну или вдвоем с Парижем» – в поэтическом письме Татьяне Яковлевой в 1928-м. Но и Брик, и Яковлева – только повод для обращения к теме любви и ее назначения в понимании самого Маяковского. Ведь не зря же сам он писал, что любить – значит, «с простынью, бессонницей рваных, срывать, ревнуя к Копернику, его, а не мужа Марьи Ивановны, считая своим соперником».

Не «про простыни» и не «про купола» пишет Маяковский. Он пишет про вселенскую любовь. И для него она неотделима от коммунистического способа человеческого общежития. Без коммунизма для Маяковского нет любви, а сам коммунизм, в известном смысле, и есть любовь. Путь к коммунизму есть революция, величайшая из войн «какие знала история». Именно во имя ее интересов, вместе с терпящей лишения Республикой поэт готов пойти на высшее для себя самого самопожертвование: он готов себя смирять, «становясь на горло собственной песне».

Охотнее можно поверить, что не отказ Вероники Полонской остаться с ним, бросив мужа, актера Московского художественного театра М.Яншина, а больное горло – главное орудие революционного поэта-трибуна – могло стать более веской причиной преждевременного ухода. Кстати, на факт странной болезни горла (что-то вроде затяжной ангины) указывали многие. Сам Маяковский во время одного из последних своих выступлений перед публикой 25 марта 1930 г. также ссылаясь на недомогание: «Я сегодня пришел к вам совершенно больной, я не знаю, что делается с моим горлом, может быть, мне придется надолго перестать читать. Может быть, сегодня один из последних вечеров, но все-таки я думаю, что было бы правильнее прочесть несколько вещей для товарищей, которые их не слышали». (*Маяковский В.В.* ПСС. М., 1959. Т.12. С.423).

Но и это обстоятельство не может быть решающим. Одним из звеньев в цепи, равно как и отказ Полонской, но ни в коем случае не решающим мотивом. Тем более что сам Маяковский в упомянутом выше выступлении совершенно осознанно и хладнокровно признает, что может

быть «придется надолго перестать читать». Признает это проблемой, требующего времени для ее разрешения, но опять-таки, говорит о ней без всякого фатализма. Поручкой тому – энергичное и живое выступление перед публикой и общение с ней.

Налицо, таким образом, крайняя узость мотива. Поэт одержим творческими замыслами. В его записной книжке наброски второго «лирического» вступления в поэму (первое вступление – «Во весь голос»), среди задумок – поэма «Плохо». О последней поэт кратко упоминает в автобиографии «Я сам»: «1928-й год. Пишу поэму «Плохо». Через два года, 7 февраля 1930 г., в Доме работников искусств Маяковский сказал: «Я не буду читать «Хорошо» (хрестоматийная поэма-эпос к десятилетию Октября), потому что сейчас нехорошо». Тут впору задаться вопросом: почему вслед за героической «Хорошо», поэт направляет творческие усилия на создание поэмы-антипода, одно заглавие которой чего стоит?! О том, что Маяковский над ней *именно* работает, а не только размышляет, явственно свидетельствует из сказанного им в автобиографии.

Но от дальнейших размышлений на данную тему нас упорно отговаривает все тот же А.Колосков. (См.: «Жизнь Маяковского». Московский рабочий, 1950 г.). На самом деле «коллективный» Колосков прекрасно понимает, что «женский» мотив самоубийства на решающий никак не тянет. И тогда он вынужден отступить, чтобы обратиться к беспроигрышной в те годы теме, избавлявшей от поиска необходимой аргументации и доказательств – к теме «троцкизма».

Жупел «троцкизма»

Для нынешнего поколения идеологические конструкции начала 1950-х, а еще больше ожесточенные идейные споры начала 1920-х годов – предание глубокой старины, которая, как кажется, всех размолочила и примирила. Однако ошибочно так полагать. Без понимания именно этих важнейших нюансов, определявших содержание сменявшихся друг друга этапов в развитии страны и революции, трудно понять неповторимую атмосферу эпохи, современником которой был Маяковский и легко запутаться в поздних клише и штампах, немало сделавших, в том числе и для выхолащивания живого образа самого пролетарского поэта.

Для большей части поколения тридцатых-сороковых Троцкий и «троцкизм» вообще – это собирательный образ, сродни оруэлловскому Гольдстейну, демонический антипод всему, что связано в сознании масс со Сталиным как системой, и особенно, с его интерпретацией советской идеологической парадигмы (модели) бытия. Именно исходя из реалий своего времени, Колосков позволяет себе несколько отступить от исключительно любовного мотива самоубийственной развязки Маяковского и... попадает пальцем в небо.

«Несомненно, – говорит Колосков, – были и другие причины (которые привели поэта к самоубийству. – С.Р.). Они выражались во многих фактах борьбы, которую в течение ряда лет из года в год, изо дня в день вели против поэта революции матерые враги социализма – Троцкий, Воронский, Авербах и прочие». «... Грязная работа врагов подтачивала его силы, разрушала их. Наконец, настал момент, когда достаточно было небольшого толчка, чтобы сломить железную волю поэта-борца, повергнуть его в пропасть», – заканчивает Колосков.

У поколений, уже не заставших жарких идейно-политических и культурных баталий первого советского десятилетия, подобное утверждение Колоскова вряд ли могло вызвать сомнение. Но применительно ко времени Маяковского, не говоря уже о дне сегодняшнем, открывшем нам ранее недоступные источники информации, объяснение Колоскова выглядит более чем упрощенным и неубедительным. (Здесь в одной упряжке «душителей» Маяковского оказываются идейные противники в политических и литературных

вопросах: Л.Д. Троцкий и А.К. Воронский, с одной стороны, и Л.Л. Авербах, с другой).

Достаточно сказать, что в вопросах развития советской литературы и культуры Лев Троцкий и Александр Воронский занимали сходные позиции. Оба считали, что вопрос о создании особой «пролетарской культуры» явно преждевременен без освоения пролетариатом, завоевавшим в России власть, наследия и традиций собственной классической культуры. В целом подобная оценка сходилась с ленинской концепцией освоения народом своей культуры и невозможности построения культуры новой при отрицании традиций прошлого. Именно поэтому Воронский, имевший солидный стаж в революционном движении, впоследствии член ВЦИК РСФСР (высший орган государственной власти между Съездами Советов) четырех созывов (!), стал редактором сверхпопулярного в те годы журнала «Красная новь», основанного при непосредственном и самом активном участии Ленина. За те годы, что редактором «Красной нови» являлся Воронский (1921-1927), журнал стал центром притяжения представителей самых разных направлений и групп советской литературы, куда входили как начинающие поэты, так и уже состоявшиеся и известные. На страницах журнала успешно соседствовали произведения В.В. Маяковского, С.А. Есенина, М.Горького, статьи государственных и партийных деятелей той поистине легендарной и неповторимой поры.

С резко критических позиций по отношению к идейной направленности «Красной нови» выступала литературная группа «Октябрь», имевшая свой литературный журнал – «На посту». Именно к «напостовцам» примкнул впоследствии упомянутый выше Леопольд Авербах – непримиримый поборник «особой» «пролетарской культуры», инициатор призыва к «одемяниванию» литературы и активный сторонник политики «вытеснения» т.н. попутчиков, в число которых «напостовцы» записывали также и Маяковского (хотя по своему социальному составу большинство самих участников группы – дореволюционные интеллигенты). Авербах, будучи противником идейных взглядов Троцкого и Воронского, непрерывно выступал с резкими нападениями на последнего и, в конце концов, добился его снятия с поста редактора «Красной нови». Причем не последнюю роль в этом сыграл

фактор личной поддержки Авербаха со стороны тогдашнего председателя ОГПУ Генриха Ягоды, которому Авербах приходился шурином. По иронии, после падения Ягоды, Авербах был арестован вместе с большинством своих соратников (в том числе из правления Союза писателей), которых объявили... «троцкистской группой в литературе».

Но и при всей жесткой, порой необоснованной критике со стороны «напостовцев» в том числе по отношению к Маяковскому, подобное трудно было назвать травлей. Маяковский отвечал им не менее резко, в том числе со страниц издаваемых им журналов – в первую очередь со страниц «ЛЕФа» («Левый фронт искусств»). Общественная жизнь страны, и в первую очередь культурная среда, была полна непрерывных дискуссий на самые острые темы. В атмосфере этих нескончаемых баталий Маяковский чувствовал себя как в своей стихии.

Вплоть до создания ВАППа, а затем и Союза писателей, знаменовавших, по сути, отмирание всех прочих «неофициальных» литературных союзов и групп, никто, даже родственник влиятельного наркома государственной безопасности Авербах, был не в силах установить директивный стиль командования в литературе. Более того, сам Г.Г. Ягода, в первую очередь через сотрудника секретного отдела ОГПУ Якова Агранова, был вхож в семью друзей Маяковского Бриков, а Агранов лично знаком с самими Маяковским. Кстати, именно Яков Агранов подарит поэту маузер, посредством которого и будет поставлена «точка пули в конце».

Получается, что «троцкистский след» в деле травли поэта – не более чем миф. Перед лицом реальных исторических фактов жупел «троцкизма» превращается в бумажного тигра. Но была ли травля на самом деле, и от кого могла исходить инициатива травли поэта революции – «лучшего, талантливейшего поэта нашей советской эпохи»?

Заели

Смерть Маяковского породила в среде столичной интеллигенции (особенно, из числа посвященных) новомодную салонную остроту: «Клопы Маяковского так заели, что даже баня не помогла».

«Клоп» и «Баня» – две пьесы Маяковского, постановка которых в 1929-30 гг. произвела эффект разорвавшейся бомбы. Сказать о том, что обе пьесы были встречены с прохладой – значит ничего не сказать. В зеркале этих двух поздних произведений поэта революции свое отражение без труда могли увидеть многие «в ручках сплошь, в значках нагрудных», окопавшиеся к тому времени на ответственных постах.

Герой пьесы «Клоп» некто Присыпкин – «бывший рабочий, бывший партиец, ныне жених». После тягот Гражданской Присыпкин реализует свое право отдохнуть «у тихой речки» и при каждом удобном случае восклицает: «Что ж это? За что мы старались, кровь проливали, когда мне, гегемону, значит, в своем обществе в новоизученном танце и растанцеваться нельзя?»

Во время пьяного угара на свадьбе Присыпкина в доме начинается пожар, а сам Присыпкин, спасаясь от пожара, оказывается замороженным в подвале дома. Через 50 лет, т.е. в 1979 г., «на перекрестке 62-й улицы и 17-го проспекта бывшего Тамбова прорывающая фундамент бригада на глубине семи метров обнаружила засыпанный землей обледеневший погреб», а в нем – замороженный Присыпкин. Для людей 1979 года он представляет образец давно забытого паразитарного типа «обывателиус вульгарис». Пьеса, действие которой переносит читателя в «коммунистическое далеко», заканчивается, однако, неожиданной сценой. Размороженный и возвращенный к жизни Присыпкин словно диковинка выставлен в клетке перед зрительным залом зоологического сада. От характерных надписей на стенах клетки недвусмысленно тянуло грядущим Хамом отечественной бюрократии: «Осторожно – плюется!», «Без доклада не входить!», «Берегите уши – оно выражается!». Оглядев зрительный зал, Присыпкин взрывается радостным криком: «Граждане! Братцы! *Свои!* Родные! Откуда? Сколько вас?! *Когда же вас всех разморозили? Чего ж я один в клетке?* Родимые, братцы, *пожалте ко мне!*»

Финал символичен. Несмотря на отсыл читателя в «коммунистическое далеко» («после войн, пронесшихся над миром, гражданских войн, создавших *федерацию земли*, декретом от 7 ноября 1965 года...»), поэт революции предупреждает, что и тогда угроза обывательской контрреволюции все еще не снимается с повестки дня. Присыпкин все еще твердо сидит в каждом. Примечательно также, что клопа Присыпкина находят именно на территории «бывшей России», как наиболее вредоносное и живучее из существ категории обывателей.

Пикантность ситуации придает то обстоятельство, что присыпкинское обращение к зрителям: «Свои! Родные!.. Чего ж я один в клетке?.. пожалте ко мне!» не могло не звучать вызовом еще только нарождавшимся нравам *нового класса*. Вероятно, вызов поэта был понят правильно.

В «Бане» и того больше: Москва 1930 года. Царственный бюрократ Победоносиков (отсыл к реакционному обер-прокурору Синода Победоносцеву) – «главный начальник по управлению согласованием, главночпупс» из всех сил тормозит прогресс во вверенной ему сфере, представляя, по мысли Маяковского, худший пример «коммунистического чванства» и властной «бюрократиды». При этом он не упускает подвернувшейся к концу пьесы возможности переместиться посредством машины времени в 2030 год, так как не представляет, как люди грядущего могут обойтись без его руководящих и направляющих директив. Есть только одно «но». Согласно Маяковскому, «будущее примет всех, у кого найдется хотя бы одна черта, роднящая с коллективом коммуны, – радость работать, жажда жертвовать, неутомимость изобретать, выгода отдавать, гордость человечностью». Устремившиеся заодно с Победоносиковым не упустить шанс «врасти в любой социализм, только чтоб это... было доходно» наперевес с «партийным или железнодорожным» билетом – неважно, оказываются «скинуты и раскиданы чертовым колесом времени». «Пускай попробуют, поплавают без вождя и без ветрил!» – распаляется отвергнутый далеким грядущим Победоносиков. «И она, и вы, и автор – что вы этим хотели сказать, – что я и вроде не нужны для коммунизма?!?» – недоумевает он.

Примечательно, что В.Ермилов (о нем поэт упоминает мимоходом в предсмертном письме именно по случаю «Бани»), один из идеологов

РАППа, к началу 1930-х заметно укрепившего командные позиции в литературе, упрекал пьесу в неактуальности. По В.Ермилову критика бюрократизма в 1930-м году была уже неактуальна, а согласно «генеральной линии» (РАПП неизменно позиционировал себя именно в качестве проводника оной) Победоносикову «следовало бы» олицетворять «правый уклон». Однако на то обстоятельство, что «Баня» ударила в точку, указывало многое. Например то, что Главрепертком мурыжил пьесу с ноября 1929 по февраль 1930, когда, наконец, она была разрешена к постановке, правда при условии, что Маяковский «смягчит отдельные места». (*Маяковский В.В.* ПСС. М., 1958. Т.11. С. 675).

Через двадцать лет критик давно канувшего в лету РАППа Ермилов под давлением времени, а еще больше – отмечавшегося тогда 60-летия со дня рождения Маяковского, откажется от своего неприятия пьесы. Признает, что не смог тогда «разобраться в положительном значении «Бани». (*Маяковский В.В.* ПСС. М., 1959. Т.12. С. 682). Но все это походило на не более чем «заупокойный лом» ритуальных заклинаний и выдавало слабо скрываемое стремление самого Ермилова по-прежнему оставаться на плаву теперь уже за счет покойного Маяковского.

О дряни

«Клоп» и «Баня» стали крупнейшими произведениями *антибюрократической* направленности всемирной литературы. Во многом они стали закономерным продолжением борьбы (а в определенном смысле генеральным сражением поэта) с бюрократическими тенденциями революции, которую он по праву считал своей.

Борьба поэта с бюрократической ржавчиной – неизбежной, пока старое еще берет свое, а новое еще не имеет сил разом сломить привычку прошлого, – начинается для Московского тотчас, как перелистывается последняя страница Гражданской войны. Именно так, кстати, называется стихотворение поэта – ода воинам героической рабоче-крестьянской армии, разгромом Врангеля завершившей победоносную эпопею *единственно великой из войн, какие знала история*.

«Последняя страничка Гражданской войны» – подлинная ода краснознаменным героям, отобравшим у полчищ Врангеля «Перекоп чуть не голой рукою», завершается вполне уместной, лишенной фальши патетикой:

Во веки веков, товарищи,
вам –
слава, слава, слава!

Не успела еще отгреметь в полную силу восторженная благодарность «краснозвездной лаве», как Маяковский переходит к новой теме, из которой явствует, что войну со «строим старья» поэт революции еще не считает законченной. Более того, Гражданская война – только этап в этом длительном противостоянии. Из нового стихотворения Маяковского, написанного, судя по всему, по горячим следам предыдущего и связанного с ним логически и даже стилистически, просматриваются контуры нового, возможно даже более опасного врага для советской республики, чем Врангель с Деникиным вместе взятые.

Слава, Слава, Слава героям!!! –

именно так, заключительной строкой предыдущего своего стихотворения-оды, Маяковский открывает новый фронт своей поэтической борьбы, вероятно, и стоивший ему, в конце концов, жизни. «Впрочем – продолжает Маяковский, – им (героям) довольно воздали дани. Теперь поговорим о дряни».

На следующий же день после окончания гражданской войны, Маяковский считает необходимым направить острие борьбы с теми, для кого военные заслуги стали трамплином к командным высотам, а НЭП – «вынужденное отступление для большого прыжка» – не просто временным отходом от строгих нравов эпохи «военного коммунизма», но средством обустройства собственного быта. На деле – глубоко мещанского. Быта, самые обыденные блага которого даже в малой толике не были доступны еще большинству граждан Советской республики, которую те отстаивали и отстраивали «в голоде, в холоде и наготе». И пока одни бессильно стрелялись, увидев в невыносимом угаре нэповской Москвы поражение дела всей своей жизни, а другие, вернувшись с Гражданской, молча ждали новый «последний и решительный»; иные, отнесенные Маяковским к категории «дряни», уже успели намозолить «от пятилетнего сидения зады», свить «уютные кабинеты и спальни», а главное – «засесть во все учреждения».

Маяковский видел, как определенная часть командармов Гражданской уже успела почувствовать все прелести директивного командования «сверху» и иные методы руководства признавать отказывалась. Едва встав над массами, эта, тогда еще достаточно узкая прослойка постепенно начинала ощущать свои узкокорпоративные интересы, глубоко чуждые тому делу, которому прежде служила. Еще только нарождавшаяся прослойка «совслужащих» (но тогда еще не «совбуров»!), как естественных носителей аппаратной системы мышления и руководства, была кровно заинтересована в незыблемости «машинно-гаремного» (квартирного) фактора, а также всего, что могла дать отныне пробуждавшаяся НЭПом экономика. Более того, ее устремления напрямую смыкалась с далеко идущими интересами новоявленных «нэпманов».

Подобная псевдо-элитарная замкнутость вступала в резкое противоречие с реалиями подлинной прямой демократии большинства –

непосредственного народоправства советского типа, величайшего завоевания *ленинской эпохи* в истории международной пролетарской революции вообще и ее российского этапа в частности. Но пока политическая надстройка (система власти) продолжала оставаться диктатурой трудящихся масс над вчерашними эксплуататорами и новоявленными «нэпманами» (вплоть до исключения их из демократии большинства), последним только и оставалось, что приспособливаться под советский быт.

Но стоит деидеологизированной прослойке «совслужащих», выйти из-под контроля низов, возведя отчуждение последних от власти в абсолют, как *аппарат* начнет реализовывать на практике свое потаенное до поры до времени стремление к мирной – без революций и войн – жизни в границах *одной, отдельно взятой страны*; сплоит и станет гарантом несменяемости всех, для которых «в новоизученном танце и растанцеваться» не грех (а иначе – «за что мы старались, кровь проливали»?!), и «пофигурять» «на балу в Реввоенсовете» впору, обзаведясь «серпасто-молоткастыми» платьями и «тихоокеанскими голефищами».

Маяковский смог разглядеть эту опасную тенденцию на рубеже 1920-1921 гг. Кстати, именно этим промежутком времени датируется написание его двух антагонистических по своей идейной направленности стихотворений: уже упомянутой «Последней странички Гражданской войны» и «О дряни».

Вызов, брошенный поэтом старому быту, пытающемуся пустить свои корни в новом, неотделим от попытки выявить генезис «нового мещанства». Выводы Маяковского убийственно точны:

Утихомирились бури революционных лон.
Подернулась тиной советская мешанина.
И вылезло
из-за спины РСФСР
мурло
мещанина.

... Со всех необъятных российских нив,
с первого дня советского рождения

стеклись они,
наскоро оперенья переменив,
и засели во все учреждения.

Маяковский понимал, что НЭП лишь вдохнул отвагу в этих, до поры до времени скрывавшихся за «спиной РСФСР» «советских подданных» с мещанским мурлом, уверовавших в скорое «возвращение» советской власти в лоно «традиционной отечественной» *бюрократиды*. «Бюрократида» – политически точный неологизм Маяковского периода его беспощадной борьбы с *«прозаседавшимися»*.

От «хулиганства» к коммунизму

«Прозаседавшиеся» – более известный неологизм поэта, прочно обосновавшийся в русском языке. Одноименное стихотворение и того более, стало хрестоматийным.

Стихотворение Маяковского, написанное в форме жесткого гротеска на «прозаседавшихся» коммунистов – сотрудников бесконечных комиссий и подкомиссий советских учреждений, было впервые опубликовано в главном печатном органе Советской власти «Известиях ВЦИК» (тираж 400 тысяч экземпляров) 5 марта 1922 г. Известным и даже сверхпопулярным оно стало уже на следующий день, когда в своем выступлении на заседании коммунистической фракции Всероссийского съезда рабочих-металлистов его прокомментировал вождь большевистской партии и глава Совнаркома В.И. Ленин.

Поднимая вопрос о борьбе с «бюрократической обломовщиной», все еще пребывающей в каждом («Обломов был не только помещик, а и крестьянин, и не только крестьянин, а и интеллигент, и не только интеллигент, и а и рабочий и коммунист»), не смотря на проделанные Россией три революции, Ленин среди прочего заявил: «Вчера я случайно прочитал в «Известиях» стихотворение Маяковского на политическую тему. Я не принадлежу к поклонникам его поэтического таланта, хотя вполне признаю свою некомпетентность в этой области. Но давно я не испытывал такого удовольствия, с точки зрения политической и административной. В своем стихотворении он вдрызг высмеивает заседания и издевается над коммунистами, что они все заседают и перезаседают. Не знаю, как насчет поэзии, а насчет политики ручаюсь, что это совершенно правильно». (ПСС. Т.45. С.13).

И в завершении речи совсем грозное: «Нам нужны не новые декреты, не новые учреждения, не новые способы борьбы. *Нам нужна проверка пригодности людей, проверка фактического исполнения.* Следующая чистка пойдет на коммунистов, *мнящих* себя администраторами. Пробирайтесь лучше в область пропагандистской и агитаторской и всякой иной полезной работы все те, кто все эти комиссии, совещания и разговоры ведут, а простого дела не делают... Мы официально должны сказать от имени партии, в чем теперь гвоздь работы, и соответственно перестроить ряды». (ПСС. Т.45. С.16).

Сам Маяковский откликнулся на эту более чем высокую оценку, если уж и не поэтического, то уж политического содержания своего произведения более чем восторженно. В воспоминаниях одного из современников поэта, воспроизводившего свой разговор с Маяковским через три года после «Прозаседавшихся», говорится: «Ильич хорошо сказал, — шутил Маяковский по своему адресу. — Какой я тогда мог быть коммунист? Я принимал Октябрьскую революцию как интеллигент-анархист, с отрыжкой старья, но вот если Ильич уже признаёт, что мое политическое направление правильно, выходит, что я делаю успехи в коммунизме. Это для нашего брата самое насущное, самое главное!» («Червоний шлях», Харьков, 1930, № 5–6).

Ко всей этой истории с «Прозаседавшимися» (кажущейся сегодня особенно удивительной), важно добавить только несколько тезисов, лучше всего свидетельствующих о непередаваемом колорите первых десятилетий советского режима.

Обратим внимание на то обстоятельство, что председатель высшего распорядительного, правительствующего органа Республики – Совета народных комиссаров спокойно рассуждает о прочитанном «вчера» стихотворении на остро-социальную политическую тематику, напечатанную центральным органом Советской власти явно без его ведома. А судя по более чем спокойному тону ленинских рассуждений очевидно, что такая ситуация в то время была в порядке вещей. Не стоит сомневаться, что если бы Ленин был не согласен с идейным содержанием стихотворного произведения Маяковского, он счел бы своим долгом сообщить об этом при первой же представившейся возможности. Неизменным оставалось в таком случае главное: стихотворение было бы все равно опубликовано, т.к. никаких санкций от «высших инстанций» тогда для этого не требовалось.

О втором важном обстоятельстве следует упомянуть отдельно. Ленинское: «я не принадлежу к поклонникам его поэтического таланта», сопряженное, что не маловажно, с **«хотя вполне признаю свою некомпетентность в этой области»** также говорит о многом. Например, о том, что Ленин действительно крайне негативно относился к футуризму как отрицанию культурного наследия прошлого и по этому поводу даже

предлагал «сечь за футуризм» наркома Просвещения Луначарского, одобрявшего публикацию в Госиздате поэмы Маяковского «150 000 000».

«Как не стыдно голосовать за издание „150 000 000“ Маяковского в 5000 экз.?» – пишет в записке прямо во время заседания Совнаркома Ленин Луначарскому. «По-моему, – продолжает он, – печатать такие вещи лишь 1 из 10 и не более 1500 экз. **для библиотек** и для чудаков». Заметим, ни о каком запрете поэмы речи не идет: печатать нужно, даже если с этим не согласен «сам» Ленин, но лишь «для библиотек и для чудаков».

Интересно, что на оборотной стороне ленинской записки нарком Просвещения замечает: «Мне эта вещь **не очень-то нравится**, но 1) такой поэт, как Брюсов, **восхищался и требовал напечатания 20 000**; 2) при чтении самим автором **вещь имела явный успех, притом и у рабочих**».

Наркому тоже «не очень-то нравится», но «восхищался и требовал» поэт Валерий Брюсов! (В августе 1920 г. Брюсов писал в ГИЗ: «Коллегия ЛИТО, признав направленную в Государственное издательство рукопись т. Маяковского — „150 миллионов“ имеющей исключительное агитационное значение, просит означенную рукопись издать в самом срочном порядке»). Ну и решающее: поэма «имела явный успех, притом и у рабочих».

Есть, правда, еще более точное объяснение, почему при известном отношении к позициям футуристов Ленин обрушился именно на футуропоэму Маяковского и предлагал «сечь» самого Луначарского, но при этом не сжигать и не запрещать уже напечатанное. Дело в том, что поэма вышла не просто под маркой Госиздата и с характерным грифом тех лет: «Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», она вышла без подписи автора, а следовательно, могла восприниматься «в обстановке тех лет как одобренный государством образец нового искусства». (*Наумов Е.И. Ленин о Маяковском. Новые материалы*). Именно против этого, скорее всего, и восстал тогда Ленин, не забывая, естественно, про свое отношение к футуризму в целом.

Завершить сюжет о литературной стороне дела в истории с «Прозаседавшимися» будет уместно комментарием советского литературоведа Е.И. Наумова. В одной из своих статей он воспроизводит

фрагмент неопубликованной до настоящего времени стенограммы диспута о литературной группе «Левый фронт искусств» (основатель и руководитель В.В. Маяковский), который проходил под председательством Народного комиссара Просвещения А.В. Луначарского. «На этом диспуте, – сообщает Е.И. Наумов, – главный редактор Госиздата Н. Л. Мещеряков, отметив, что «к чести деятелей Лефа, они с самого начала революции стали на ее сторону», привел следующий эпизод:

«Мне вспоминается один очень интересный факт. Когда вышла поэма Маяковского „150 миллионов“, то он взял один экземпляр, надписал — „Тов. Ленину. С комфутприветом. Вл. Маяковский“ и послал ему. Ленин человек очень живой, всем интересуется, смелый, он прочел эту поэму и говорит: „А знаете, это очень интересная литература. Это особый вид коммунизма. Это хулиганский коммунизм“». (Цит. по: *Наумов Е.И. Ленин о Маяковском. Новые материалы // Лит. наследство, т.65. Новое о Маяковском. - М., 1958*).

Острие борьбы

Однако у истории с «Прозаседавшимися» имелась и другая, уже не столько поэтическая, сколько политическая сторона дела, столь затронувшая Ленина.

Если проследить все ленинские выступления, доклады, дневниковые записки и даже заметки начиная с марта 1922 года, – т.е. с момента упоминания Лениным «политически верного» стихотворения Маяковского, опубликованного «Известиями ВЦИК», можно понять главное. Вождь революции и партии готовил не просто «чистку» в отношении «коммунистов, мнящих себя администраторами». Речь шла о последовательной кампании борьбы с явлением, когда «сплошь и рядом в категорию рабочих (при приеме в партию. – С.Р.) попадают самые настоящие буржуа, которые случайно и на самый короткий срок превратились в рабочих». Он строго наказывает секретарю Политбюро Молотову «удлинить сроки (кандидатского) стажа» и «выработать и строго применять правила, которые бы действительно делали стаж серьезнейшим испытанием, а не пустой формальностью». (ПСС. Т.45. С.18).

Видя вопиющие факты бюрократической коррозии партийных институтов, Ленин готовится к решительной борьбе с опасными деформациями *политического авангарда* общества. Одновременно с этим Ленин подготавливает решительный бой с аналогичными тенденциями, проявившимися к тому времени в аппарате государственном. Аппарате, «заимствованном нами от царизма и только чуть-чуть подмазанном советским миром», который «на самом деле насквозь еще чужд нам и представляет из себя буржуазную и царскую мешанину, переделать которую в пять лет при отсутствии помощи от других стран и при преобладании «занятий» военных и борьбы с голодом не было никакой возможности». (ПСС. Т.45. С.357).

С этой целью, немногим после письма Молотову (март 1922 г.), вождь партии направляет письмо «т. Сталину для *Политбюро*» (выделено В.И. Лениным), датированным 23 маем 1922 г. В специальном письме И.В. Сталину, месяцем ранее избранному генеральным секретарем ЦК РКП (б), Ленин строжайше настаивает на принятии Политбюро проекта постановления о мерах по качественному улучшению социального состава

органа высшей государственной власти в стране между Съездами Советов – ВЦИК. Констатируя, что «сессия ВЦИКа показала неправильность организации состава» главного «президиума» советской республики («громадное большинство членов его – *должностные лица*»), Ленин предлагает «признать необходимым, чтобы не менее 60% членов ВЦИКа были рабочие и крестьяне, *не занимающие никаких должностей на совслужбе*; чтобы не менее 67% членов ВЦИКа были коммунисты». (ПСС. Т.45. С.203. Курсив наш).

Наконец, даже на исходе сил, после нескольких ударов, последовавших в 1922-1923 гг., Ленин, все еще надеявшийся перебороть смертельную болезнь, готовится дать генеральное сражение «нашествию» «подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ» и в правительственном, и, что еще более важно, в партийном аппарате. В противном случае, констатирует он в записках по национальному вопросу, «ничтожный процент советских и советизированных рабочих будет тонуть в этом море шовинистической великорусской (бюрократической. – **С.Р.**) швали, как муха в молоке». (ПСС. Т.45. С.357). Особо Ленин предостерегал наиболее «выдающихся вождей современного ЦК» от опасности увлечения чисто администраторской стороной дела и бюрократически бездушного отношения к подчиненным.

Маяковский оказывается, таким образом, на острие политической борьбы. Учитывая, какое влияние оказывала его поэзия на политизированных в большинстве своем рабочих, все еще носивших в массе своей революционное сознание Октября, фактор Маяковского мог оказаться немаловажным с точки зрения ее (этой борьбы) исхода. Болезнь и смерть Ленина, по крайней мере для самого Маяковского, делали такой исход не совсем предсказуемым.

Опасное поветрие

12 марта 1923 г., через три дня после третьего, сильнейшего удара паралича, поразившего В.И. Ленина, все центральные советские газеты поместили специальный правительственный бюллетень о состоянии здоровья вождя революции. Предполагалось, что публикация подобных бюллетеней поможет потрясенному обществу избежать ненужных волнений и упредит возможные провокационные домыслы и слухи. Публиковать такие сообщения предполагалось вплоть до полного выздоровления вождя революции. Об ином исходе не могло идти и речи.

Маяковский откликается на появление правительственных бюллетеней преисполненным оптимизма стихотворением «Мы не верим!», немедленно перепечатанным всеми крупными советскими газетами. На свой же, более чем риторический вопрос: «Разве гром бывает немостою болен?! Разве сдержишь смерч, чтоб вихрем не кипел?!», Маяковский отвечает более чем жизнеутверждающе. Физическим недомоганиям вождя Маяковский противопоставляет бессмертие его идей: «Вечно будет ленинское сердце kloкотать у революции в груди». А временный, как и указывалось в правительственном сообщении, отход Ленина «от руководства делами Советской Республики» Маяковский компенсирует наличием монолитного проводника ленинских идей: «Нет! не ослабеет ленинская воля в миллионосильной воле РКП».

Между тем, в условиях вынужденного отхода Ленина от общего руководства партийной и государственной жизнью, в штабе правящей партии – Политбюро начинаются непримиримые дискуссии о дальнейших путях внутренней и внешней политики рабочего государства. Особое место в острейшей внутривластной борьбе занимает вопрос НЭПа и перспектив международной революции. Причем последний вопрос, в том смысле в каком его понимал сам Ленин, неотделим от вопроса о самом существовании первой в истории человечества Республики Советов.

В 1924-1925 гг. дискуссия о «социализме в одной стране» приняла настолько острый характер и размах, что ее жертвой посмертно стал даже автор легендарного, ставшего к тому времени хрестоматийным произведения «Десять дней, которые потрясли мир». Известно, что эту книгу американского коммуниста Джона Рида Ленин «желал бы видеть распространенной на все языки», так как, по мнению вождя русской

революции, она «дает правдивое и необыкновенно живо написанное изложение событий, столь важных для понимания» сущности и практического значения этой самой революции. Более того, сам Рид, скончавшийся несколькими годами ранее, был удостоен высшей чести быть погребенным на Красной площади среди братских могил героев революции. «Тот, кто описал похороны жертв революции, как Джон Рид, достоин этой чести», – отмечала Н.К. Крупская в предисловии к русскому изданию «Десяти дней».

Развернувшаяся борьба с т.н. «левой оппозицией» в РКП (б) и пресловутым «троцкизмом» вообще, диктовала свои условия, которые, в свою очередь, не могли не вступить в противоречие с фактами, засвидетельствованными в крайне популярной в те годы книге Рида. (См., в частности, письмо моряка Ивана Зенушкина, старшины электриков из электролизной школы в Кронштадте, адресованное Сталину и ответ последнего от 1 декабря 1924 г. **Источник:** РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 735. Л. 36-38. Машинописный подлинник. Подпись - факсимиле. Имеется штамп: «Личный архив Ген. Секретаря Цека Р.К.П. т. Сталина»). Именно в силу этих обстоятельств, произведение Рида с конца 1920-х по 1957 г. не переиздавалось в СССР ни разу.

История с Джоном Ридом может показаться досадной, хотя и весьма показательной издержкой внутрипартийной борьбы, если бы не последующие примеры, заставляющие задуматься о многом. Ровно через тринадцать лет после упомянутого выше письма относительно произведения Джона Рида, в ходе мартовского Пленума ЦК ВКП (б) его участники с изумлением услышат от докладчика, что одним из «замечательных... хороших работников, которые случайно попали к троцкистам», а «потом порвали с ними и работают, как настоящие большевики», был не кто-нибудь, а Ф.Э. Дзержинский! (См.: Заключительное слово на Пленуме ЦК ВКП(б) 5 марта 1937 года. Стенографический вариант. // «Гласность», № 4 за 1996 г.). Примечательно, что имеется два варианта «Заключительного слова на Пленуме ЦК ВКП (б)» 3–5 марта 1937 года. Один вариант стенографический, где и упоминается «троцкизм» Дзержинского и история с Серго Орджоникидзе. Другой, предназначенный для широких масс отредактированный вариант, был обнародован 1 апреля 1937 г. в

«Правде» и опубликован затем отдельным изданием в Партиздате ЦК ВКП (б).

Подобная оценка партийной позиции подлинно пламенного революционера Дзержинского, вовсе не кажется из ряда вон выходящей в условиях той общественной истерии поиска реальных и мнимых врагов народа, апогей которой пришелся на 1936-1938 гг. (т.н. «ежовщина»). Более того, еще более немыслимыми с позиций конца 1930-х могли показаться и сами выступления Железного Феликса в его бытность председателем ОГПУ и Высшего Совета народного хозяйства СССР.

В письме от 16 марта 1923 г. на имя В.В. Куйбышева, председателя Рабоче-крестьянской инспекции, Дзержинский предостерегал: чтобы «государство не обанкротилось, необходимо разрешить проблему госаппаратов, проблему завоевания этой среды, преодоления ее психологии и вражды. Это значит, что проблема эта *может быть разрешена только в борьбе*». Однако, продолжал Председатель двух жизненно важных ведомств Республики, «надо прямо признаться, что в этой борьбе до сих пор — мы биты. Активна и победоносна другая сторона. Неудержимое раздутие штатов, возникновение все новых и новых аппаратов, чудовищная бюрократизация всякого дела — горы бумаг и сотни тысяч писак; захваты больших зданий и помещений; автомобильная эпидемия; миллионы излишеств. Это легальное кормление и пожирание госимущества — этой саранчой...»

В этих и других выступлениях, письмах и обращениях, которые Дзержинский продолжал рассылать в адрес своих заместителей по ВСНХ, членов ЦК, Политбюро и лично его генерального секретаря вплоть до своей смерти 20 июля 1926 г., рыцарь революции неизменно требует перестройки и дебюрократизации всей системы народного хозяйства Республики. Не будучи услышанным, в письме от 2 июля 1926 г. он требует от председателя Совнаркома Рыкова отставки. Аналогичное письмо он пишет на имя Сталина, но по неизвестным причинам его так и не отправляет.

3 июля 1926 г. в «обращении без адреса», т.е. в письме, найденном на рабочем столе Дзержинского после его кончины (это письмо и по сей день хранится в архиве), Феликс Эдмундович пытается объяснить не

названному адресату мотивы своих действий, оставшихся, как ему казалось, непонятыми и не принятыми окружающими:

«Устал жить и бороться» — это слова записки одного из лучших хозяйственников т. Данилова (директор Выксы), покончившего с собой самоубийством... Эти слова т. Данилова и его настроение характеризуют настроение в настоящее время огромного количества лучших хозяйственников... Такого настроения нельзя оставить без внимания — не найти его источников, не найти средств излечить этого убийственного недуга. Каковы же эти источники? Это положение наших хозяйственников и бесплодность 9/10 их усилий. <...> 9/10 сил и энергии уходит... не на создание новых ценностей, не на само производство, не на изучение его, подбор работников и организацию дела, а на согласование, отчетность, оправдание, испрашивание. Бюрократизм и волокита заели нас, хозяйственников. На работу нет времени. Система управления нашим хозяйством от верху до низу должна быть в корне изменена».

«Если не найдем правильной линии в управлении страной и хозяйством, — заключает за семнадцать дней до собственной смерти Дзержинский, — оппозиция наша будет расти, и страна тогда найдет своего диктатора — похоронщика революции, — какие бы красные перья ни были на его костюме». (Здесь и выше цит. по: *Добрюха Н.* Отчаяние Дзержинского. // Известия. 11.09.2007. Курсив наш).

20 июля, на объединенном Пленуме Центрального Комитета и Центральной Контрольной Комиссии он выступает с развернутой и как всегда пламенной речью, в которой вновь касается вопиющих примеров бюрократического произвола, уже знакомых многим, а потому воспринятых с явным раздражением. «Если вы посмотрите, на весь наш аппарат, если вы посмотрите на всю нашу систему управления, если вы посмотрите на наш неслыханный бюрократизм, на нашу неслыханную возню со всевозможными согласованиями, то от всего этого я прихожу прямо в ужас», — говорит Дзержинский. Уже в момент выступления ему стало плохо. Даже не думая прерываться, он завершил речь, проследовал в комнату отдыха, а оттуда — в свою кремлевскую квартиру. Спустя несколько часов участники Пленума узнали, что Дзержинский скончался от сердечного приступа.

Впоследствии, именно эта версия и станет официальной. Однако и по сей день существует вторая, прямо вытекающая из отчаянного «письма без адреса», версия. Тем более что в ее подтверждение многие специалисты указывают на кричащие не состыковки в медицинском заключении о вскрытии тела Дзержинского. «Пытаясь хотя бы фактом своей насильственной кончины доказать свою правоту», гласит эта версия, Дзержинский покончил жизнь самоубийством...

Накануне «великого перелома»

Здесь неизбежно возникает вопрос: какое отношение могла иметь вся эта внутривластная борьба к поэту Маяковскому? Подобный вопрос закономерен, и закономерен он именно с позиций дня сегодняшнего. В условиях, когда «реальная политика» (принятие и осуществление решений) сосредоточена в руках узкокорпоративной группы лиц, жаркие баталии 1920-х также невольно могут восприниматься как скрытая или даже подковерная борьба «элитарных» групп. Однако именно в этом заблуждении – ключ к пониманию непримиримого отличия *диктатуры* буржуазной от *диктатуры* пролетарской.

Свидетель века Н.В. Валентинов (Н.Вольский) в книге «Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина» описывает политический климат того самого периода, когда стране стало известно о болезни Ленина. «Нужно знать, – пишет Н.В. Валентинов, – что Москва 1923 года была абсолютно не похожа на... Москву 1953 года, которая в марте узнала, что Сталин разбит параличом. Чтобы почувствовать различие общей атмосферы, следует взять такой хороший показатель, как газеты; например, сравнить «Правду» и «Известия» за те же годы. Газеты 1923 года интересны, они живые. Они обсуждают острые вопросы. Целые страницы наполнены полемикой друг с другом ответственных руководителей советского государства и хозяйства. В статьях и в отделах печати цитируется, что пишет о СССР иностранная и эмигрантская печать – «Руль», «Последние новости», «Социалистический вестник». С последней ведется постоянная полемика. В газетах много интересных корреспонденций из провинции, они печатают цены всяких товаров и продуктов, дают объявления синдикатов и трестов, предлагающих и рекламирующих свои изделия. Во время праздников Пасхи можно даже было узнать из объявлений, где и за какую цену следует приобрести «шоколадные яйца». В сравнении с печатью 1923 года, газеты 1953 года, притом выходящие в сильно уменьшенном объеме, являются мертвыми, серыми, скучными, невыносимыми листками... Такое же различие и в общей обстановке...

Москва загудела тогда (в марте 1923 г. – С.Р.), как разбуженный улей. Кажется, не было дома, где не говорилось о болезни Ленина. Правительственное сообщение поразило своей неожиданностью. Ведь

кроме крошечной группки никто не знал, насколько опасно болен Ленин и что у него уже третий удар. Почти все, особенно те, кто совсем недавно читали его статьи, были уверены, что он по-прежнему управляет страной. Одни, — и это, конечно, партийцы и большая часть рабочих, — Ленина любили, другие не любили, но им интересовались; третьи жгуче ненавидели и все же им интересовались».

Свидетельство Валентинова с позиций сегодняшнего дня кажется тем ценней, что самого автора приведенной выше характеристики эпохи можно отнести к категории «внутренней эмиграции» уже в годы его пребывания в редакции «Торгово-промышленной газеты» (орган Высшего Совета Народного Хозяйства). Открытая эмиграция Валентинова, последовавшая после его невозвращения в Советский Союз в 1931 г., на систему его идеологических взглядов и установок не повлияла.

Казалось, что никаким образом переменчивый политический климат середины 1920-х не мог повлиять и на творчество Маяковского. Центральные советские газеты – в первую очередь «Известия ЦИК» (говорят, что главный печатный орган Советской власти Ленин ставил выше партийной «Правды»), «Комсомольская правда» и другие, неизменно публиковали произведения Маяковского на самые острые и самые злободневные темы, ради которых сам поэт, по его позднему признанию, «себя смирял, становясь на горло собственной песне». Сочинительству «доходных» романсов Маяковский противопоставлял *социальный заказ*, данный поэту обществом, «*которое есть*», с целью направления главного удара поэзии на искоренение его (этого общества) пороков, препятствующих дальнейшему движению к обществу, «*которое будет*».

Достаточно открыть тома любого мало-мальски полного собрания сочинений Маяковского за 1924-1930 гг., чтобы увидеть цель основного удара пролетарского поэта. Возьмем навскидку 1926 год. В «Известиях ЦИК» (№129 за 30 мая) Маяковский публикует стихотворение «Взяточники». В этом же издании за 6 июня – стихотворение «Протекция. Обывателиада в 3-х частях», которое завершается немислимым с точки зрения сегодняшних представлений о той эпохе призывом: «кто бы ни были сему виновниками – сошка маленькая или крупный кит, – разорвем сплетенную чиновниками паутину кумовства, протекций, волокит».

В № 140 за 20 июня все в тех же «Известиях» – стихотворение с более чем говорящим заглавием «Фабрика бюрократов». В стихотворении «Послание пролетарским поэтам» («Комсомольская правда», № 134 за 1926 г.) Маяковский резко выступает против превращения пролетарских поэтов в узкую аристократическую касту, заслуги которых будет оценивать не читатель, а государственный чиновник, ведающий «распределением орденов и наградных». «Коммуна, – прямо заявляет Маяковский, – это место, где *исчезнут чиновники* и где будет много стихов и песен».

В стихотворении «Не юбилейте» («Известия ЦИК», № 258 за 7 ноября (!)) Маяковский осуждает преждевременное успокоение («Но разве настали дни для покоя?») и в канун года десятилетия революции призывает исчислять ее результаты не ритуальными юбилейными заклинаниями, но подсчетом достигнутых результатов в хозяйстве, политике, в культуре и в быту. «Остановка для *вас*, для *вас* юбилей...» – несколько раз повторяет Маяковский для усиления непримиримого противоречия между теми, для кого движение к коммунизму давно свелось к формальным рапортам по случаю очередной годовщины, и трудящимся большинством, кровно заинтересованным в реальном строительстве бесклассового общества здесь и сейчас.

Свою работу в «Известиях» в 1926 году поэт завершает более чем характерным стихотворением «О том, как некоторые втирают очки товарищам, имеющим циковские значки» (№ 296 за 22 декабря), а открывает новый 1927 год поэтической заметкой с не менее характерным заглавием «Стабилизация быта» (№ 13 за 16 января). В ней, как и пять лет назад в стихотворении «О дряни», Маяковский указывает на опасные рецидивы самоуспокоения «после боев и голодных пыток» революционных лет, призывая пресекать контрабанду «дореволюционного старья» в новый быт. И таких тем в произведениях Маяковского того периода – бесчисленное множество.

Нетрудно догадаться, что такой позицией первого пролетарского поэта были, мягко сказать, довольны не все. Особенно из числа тех, кто по своему административному положению имели возможность реализовать все прелести старого быта в новых общественных условиях, против чего

неизменно и восставал Маяковский со страниц главных советских газет. И по-своему они ему отомстят.

О том насколько к 1930 году изменилось соотношение сил в тех же «Известиях» можно судить по очень показательному свидетельству еще одного очевидца столетия. Карикатурист Борис Ефимов вспоминал, как во время редакционной планерки утром 14 апреля 1930 г. кто-то сообщил участникам совещания поразившую всех новость: «Вы слышали – Маяковский застрелился?». Заместитель главного редактора «Известий», проводивший то памятное для Б.Ефимова заседание, цинично произнес: «Маяковский застрелился? Наверное, был пьяный». Мерили явно по себе.

Есть и еще один важный момент. Антибюрократическая направленность в поэзии Маяковского к началу 1930-х гг. не могла не восприниматься многими «ответственными работниками» не иначе как «отрыжка» *левой оппозиции* в партии. Вспомним, что именно против «назначенчества», а также чисто администраторских командных методов руководства партийной и советской жизнью вообще выступали в свое время представители левой оппозиции в РКП (б). К концу 1920-х оппозиция окончательно сошла с политической сцены. Однако их критика, зачастую находившая подтверждение в общественной и культурной жизни страны, не могла не вызывать раздражения у тех, кому была адресована. Особенно, если эта критика продолжала исходить от одного из самых популярных в стране поэтов. Причем, особенно популярного в среде молодежи.

У многих из тех, кого критиковал Маяковский за «стабилизацию быта», должно было сложиться мнение, что пролетарский поэт использует прежние лозунги *по инерции*. «Наскоро переменившим оперения» уже вряд ли могло прийти в голову, что поэт был не сроден конъюнктуре. Что требование Маяковским «третьей революции» – *революции духа* – есть закономерное требование в условиях революционной ломки. Без нее, убежден Маяковский, коренное переустройство политических и социальных институтов общества окажется обреченным на поражение.

Революция, таким образом, понимается Маяковским как *непрерывный* (слово «перманентный» к концу 1920-х уже прочно ассоциируется с левой группой Л.Д. Троцкого) процесс, «стабилизация» которого означает откат назад. Революция духа, как неизбежный «новый бунт в грядущей

коммунистической сытости» – это та тема, которую еще предстоит разрабатывать и освещать, чтобы всякий раз не повторялось напророченное Маяковским в далеком 1922 году (когда о подобном мало кто мог еще предугадать), как «нажравшись пироженью рвотной, коммуны славя, расселись мещане».

«Двое в комнате...»

«Я ни одной строкой не могу существовать при другой власти, кроме советской. Если вдруг история повернется вспять, от меня не останется ни строчки, меня сожгут дотла». Эти строки, однажды произнесенные Маяковским, стали, по сути, его кредо, которому он не изменил до конца своих дней.

Однако сама советская власть, которая есть не что иное, как *государственная форма* системы диктатуры пролетариата, не была идентичной на всем протяжении своего существования. Она не могла не переживать внутреннюю эволюцию, вызванную факторами объективного и субъективного характера. Чрезвычайно чувствительный к общественному климату Маяковский не мог не ощущать таких изменений, и когда они противоречили его идейным убеждениям, считал своим долгом говорить об этом открыто. Другое дело, что в резко изменившихся к началу 1930-х общественных условиях подобная критика нередко воспринималась, в лучшем случае, как тот или иной «уклон». («Уклон» - чрезвычайно распространенное определение в годы идейной борьбы в РКП (б) – ВКП (б) 1920-1930-х гг.). Это, в свою очередь, нередко служило вполне удачным поводом для сведения личных счетов и даже расправ.

1929 год стал переломным во многих отношениях. Окончательно свернут НЭП. Политика компромисса с кулаком в деревне (идея Бухарина о «врастании кулака в социализм») завершилась кризисом хлебозаготовок и фактически открытым кулацким мятежом против советского рабочего государства. В этих условиях высшее политическое руководство берет курс на форсированную индустриализацию и коллективизацию, которые прежде именовались «левым забеганием вперед», а еще – «сверхиндустриализацией». Последнее фактически воспроизводило на практике программные тезисы т.н. «левой оппозиции» 1923-1924 гг.

Вполне очевидно, что данное обстоятельство среди широких масс могло породить сомнение в правильности прежней «генеральной линии». В этих условиях практика многочисленных дискуссий 1920-х как в партии, так и в среде беспартийных, становится все более неуместной. В 1929 году партийные идеологи решают подкрепить правильность

партийной «генеральной линии» авторитетом ее генерального секретаря, которому 21 декабря должно было исполниться 50 лет.

О настроениях, царивших тогда в партийной среде, засвидетельствовал в своем дневнике 19 декабря 1929 г. член МГК ВКП (б) А.Г. Соловьев: «Бауман (К.Я. Бауман – первый секретарь Московского губкома партии в 1929-1930 гг.) проинформировал о подготовке празднования 50-летнего юбилея т. Сталина. Празднование намечено широко по всей стране: приветствия, собрания, митинги, популяризация. Агитпром ЦК по заданию Оргбюро предложил всем местным организациям широко организовать присылку приветствий, публикацию статей о т. Сталине, присвоение его имени разным предприятиям и районом. Ягода и Литвин-Седой (советский и партийный деятель, старый большевик, участник боев за Царицын, бессменный член Московского Совета, с 1939 – персональный пенсионер) *высказали возмущение*. Никогда в партии не практиковалось *личное чествование работников*: тов. Ленин был решительно против. Это возвышение личности над партией, карьеризм. Но Бауман возразил, нельзя идти одному МК против всех. Большинство принято небольшое приветствие».

«...Чествовали т. Сталина. – Продолжает А.Г. Соловьев 25 декабря. – Очень сильно превозносили. Раньше говорили ”партия Ленина”, теперь стали говорить ”партия Ленина–Сталина”. В перерыве встретился с Подвойским (советский и партийный деятель, старый большевик, активный участник революции 1905-907 гг., Октябрьской революции и Гражданской войны, с 1935 г. – персональный пенсионер), возмущается слишком крикливым чествованием. Говорил, у т. Сталина было такое множество ошибок, что следовало бы говорить скромнее, а не выпячивать себя наравне с Лениным и даже выше. Это неправильная ориентация партии и принижение ее роли».

Все газеты, – подводит итог Соловьев, – *впервые* опубликовали портреты т. Сталина и многочисленные статьи. В них т. Сталин именуется вождем мирового пролетариата. Отмечаются его колоссальные заслуги в разгроме троцкизма, правого оппортунизма, развертывании индустриализации и коллективизации, и колоссальная роль в создании партии и победе социалистической революции. Очень высокая оценка.

Такой не бывало». (Цит. по: Москва сталинская. Большая иллюстрированная летопись. М., 2008 г. С.273-274).

О настроениях среди определенной части рабочих все тот же Соловьев говорит в записях за 23 февраля 1930 г.: «12-я годовщина Красной Армии. Награждены вторым орденом Красного Знамени т. Сталин и Калинин и четвертым – т. Ворошилов. Непонятно, зачем это делается? Рабочие говорят: *высшая власть сама себя награждает* и награждает повторно задним числом, [через] десять лет после окончания гражданской войны. Неужели непонятно, что это очень нескромно». (Там же. С. 278. Здесь и выше – курсив наш).

Указанные воспоминания работника Московского комитета партии Соловьева ценны не только отражением настроений определенного среза общества тех лет, но сразу по нескольким обстоятельствам. Во-первых, тогда никто и не мог предположить, что, к примеру, через тридцать лет «золотой дождь» государственных наград и внеочередных званий «по случаю» войдет в порядок вещей, превратившись в безжалостную карикатуру на советскую действительность эпохи «застоя» (Кстати, действие пьесы «Клоп» разворачивается примерно в этих же временных рамках). Во-вторых, дневниковые эпизоды, оставленные нам Соловьевым, вписываются во временной период, оказавшийся чрезвычайно важным в жизни Маяковского, и во многом повлиявшим на ее трагический исход.

Стоит также обратить внимание на то, что среди ревнителей ленинских норм и традиций партии в контексте празднования 50-летия ее генерального секретаря, среди прочих оказался не кто-нибудь, а Генрих Ягода. Как известно, ближайший соратник Ягоды Агранов был в более чем доверительных отношениях с Маяковским. Однако об отношении Агранова, равно как и самого Маяковского, к указанному вопросу никаких свидетельств не сохранилось. При этом всем, кто более-менее знаком с творчеством Владимира Маяковского известно, что поэтического, равно как любого другого отклика на 50-летие Сталина от поэта революции не последовало. Из этого не следует делать ровным счетом никаких выводов. Но некоторых чересчур ретивых «ответственных» работников-администраторов подобное вполне могло насторожить.

К слову сказать, образ Сталина в поэзии Маяковского встречается не более двух раз. В первом случае Сталин предстает как докладчик партийного съезда («О работе стихов, от Политбюро, чтобы делал доклады Сталин: «Так, мол, и так...») в стихотворении 1925 года «Домой!». В другой раз в эпизоде поэмы «Владимир Ильич Ленин» – масштабного поэтического полотна, посвященного истории русской революции и ее героическому вдохновителю и вождю. Здесь, волею Маяковского всего один эпизод из жизни революционного Смольного объединяет сразу двух «наиболее выдающихся вождей современного ЦК» (поэма Маяковского была написана как раз в период развернувшейся внутрипартийной борьбы групп Сталина и Троцкого):

Штыками

тычется

чирканье молний,

матросы

в бомбы

играют, как в мячики.

От гуда

дрожит

взбудораженный Смольный.

В патронных лентах

внизу пулеметчики.

– Вас

вызывает

товарищ Сталин.

Направо

третья,

он

там. –

– Товарищи,

не останавливаться!

Чего стали?

В броневики

и на почтайт! –

– По приказу
    товарища Троцкого! –
– Есть! –
    повернулся
        и скрылся скоро,
и только
    на ленте
        у флотского
под лентой
    блеснуло –
        «Аврора».

Трудно объяснить, чем руководствовался поэт революции, объединив «товарищей Сталина и Троцкого» в рамках одного эпизода. Хотя, вполне можно предположить, что тем самым Маяковский стремился уравновесить значимость вождей двух непримиримых партийных фракций, развернувших открытую борьбу по вопросам перспектив советского строительства тотчас после смерти главного героя поэмы – В.И. Ленина. Хотя, правды ради следует отметить, что в этом своем стремлении Маяковскому, возможно, пришлось даже пойти против истины.

Дело в том, что рядом современников (в первую очередь, непосредственными руководителями вооруженного восстания в Петрограде Троцким и Антоновым-Овсеенко) прямо опровергался, а документально до сих пор не нашел подтверждения факт присутствия И.В. Сталина в Смольном в судьбоносную ночь Октябрьской революции. При этом сам Маяковский, что доподлинно известно, в Смольном присутствовал, о чем впоследствии с гордостью писал в своей автобиографии: «Моя революция. Пошёл в Смольный. Работал. Всё, что приходилось».

В последующие годы осторожная, а потому без меры бдительная цензура будет часто изымать из поэмы фразу «по приказу товарища Троцкого», уродуя тем самым и поэтическую форму, и смысловую нагрузку написанного Маяковским. В зависимости от степени академичности издания, в котором затем будет публиковаться поэма

«Ленин», строчка про Троцкого будет то появляться, то исчезать вновь. При этом помимо председателя Петросовета Троцкого, в поэме названы также Зиновьев, Антонов-Овсеенко (объявил членам Временного правительства об их аресте), а также Муралов – участник Октябрьской революции, организатор вооруженного восстания в Москве, герой Гражданской войны, впоследствии член комиссии по организации похорон В.И. Ленина в январе 1924 г.

Тема Ленина, равно как и революции, оставалось одной из центральных тем во всем послеоктябрьском творчестве Маяковского. После «юбилейного» (к 50-летию Ленина) стихотворения «Владимир Ильич!» (1920) и «Мы не верим!» по поводу болезни Ленина (1923), Маяковский пишет эпическую поэму «Владимир Ильич Ленин», стихотворение «Комсомольская» с эпиграфом «Смерть – не сметь!» и с классическим рефреном «Ленин – жил, Ленин – жив, Ленин будет жить» (оба – в 1924); стихотворение «Ленин с нами!», к 10-летию возвращения в Россию Ленина и к 10-летию же Октября (1927), а также ряд других, в которых отражено величие и неизменна мысль о бессмертии дела, начатого в России Лениным.

В 1929-м Маяковский пишет одно из самых известных своих стихотворений «Разговор с товарищем Лениным». После его публикации становится очевидным, что свои мысли и дела, равно дела и достижения Республики он по-прежнему сверяет с Лениным, видя в нем и его наследии единственно верный барометр, способный выверить правильность проводимого курса («Вашим, товарищ, сердцем и именем думаем, дышим, боремся и живем!..»). Ему же – и только ему – поэт революции докладывает об ее (революции) успехах и трудностях «не по службе, а по душе». Указывает на то, что «многие *без вас* отбились от рук» и при этом обещает: «мы *их всех*, конечно, скрутим», хотя, как признается он сам, «всех скрутить ужасно трудно».

Согласно задумке стихотворения, Маяковский находится в своем рабочем кабинете на Лубянке, на стене которого прикреплена небольшая фотокарточка, запечатлевшая выступающего Ленина. Эта фотокарточка («Рот открыт в напряженной речи, усов щетинка вздернулась ввысь...») и навеяла революционному поэту мысленный диалог с «революции и сыном и отцом».

Тучи сгущаются

К концу 1929 года борьба с «уклонами» из области сугубо партийной переходит в область литературы. Тон в этой борьбе задает руководство Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП), фактически взявшей к этому времени на себя функцию «руководящей и направляющей» силы в литературе. Пользуясь влиятельными связями, располагая вниманием влиятельных «ответственных работников», предводители РАППа руководствовались вульгаризированным пониманием термина «пролетарская культура» и представляли, по сути, группу конформистов, готовых «ломать» самостоятельные литературные школы и отдельных особо строптивых (в данном случае, неудобных своим талантом и бескомпромиссностью) литераторов. В их числе неизменно оказывался Маяковский, которому досталось немало упреков в «левых» перегибах и уклонах в литературе.

Пока подобные упреки шли в рамках исключительно литературных споров (какой бы острый характер они не принимали), Маяковский считал своим долгом на жесткую критику отвечать жесткой контркритикой и часто выходил из подобных поединков если не полным победителем, то, по крайней мере, не побежденным. В 1929 году терминологией РАППовцев заговорила центральная партийная газета «Правда».

Маяковский, основавший незадолго до того новую литературную группу «РЕФ» («Революционный фронт искусств»), пришедший на смену популярному некогда «ЛЕФу»), теперь уже в партийной печати был назван «левым уклонистом» и, что особенно для него было обидно, «попутчиком». Оценка «Правды» звучала как директива и стоила поэту не малых переживаний. Вдобавок ко всему в этом же году Маяковскому впервые отказали в поездке за границу. По некоторым данным, поэт хотел лететь в Париж, чтобы сделать предложение давней возлюбленной Татьяне Яковлевой (Позже, уже во время своей творческой юбилейной выставки Маяковский узнает, что она вышла замуж). Под непрерывным огнем недоброжелательной критики, поэт революции вынуждает себя вступить в РАПП. Товарищи по «РЕФу» воспринимают отчаянный поступок Маяковского как измену.

В тягчайшей обстановке творческих и личных перипетий, Маяковский решает провести юбилейную выставку «20 лет работы», чтобы отразить

пройденный боевой революционный и поэтический путь от, по его же собственному признанию, «интеллигента-анархиста с отрыжкой старья» до крупнейшего революционного поэта современности. Маяковский явно торопился: его литературный дебют состоялся в 1912 г. Но он решил не ждать точной календарной даты юбилея и праздновать двадцатилетие своего творческого пути именно в декабре 1929 г., чтобы расставить все точки над «і» и, как ему представлялось, преодолеть преграду непонимания и даже отчуждения среди современников. Однако и здесь Маяковского преследовали неудачи.

Работа над подготовкой выставки затянулась до февраля 1930 г. Возникли серьезные проблемы с печатью праздничного буклета выставки – многие издательства отказывались брать его в набор. Даже афиши с информацией о предстоящей выставке Маяковскому пришлось расклеивать самостоятельно, а за несколько дней до ее открытия, в Ленинграде завершилась провалом премьера пьесы «Баня». 1 февраля в помещении Федерации советских писателей долгожданное открытие все-таки произошло. Лили Брик вспоминала: «Выставка должна была быть образцовой (вот как надо ее сделать!), а получилась интересной только благодаря матерьялу... Народу уйма, одна молодежь... Володя переутомлен, говорил страшно устало».

Слова Брик о популярности юбилейной выставки Маяковского среди рядовых москвичей подтверждают записи, оставленные ее посетителями в книге отзывов. Среди них действительно практически «одна молодежь», а в числе подписавшихся есть имена тех, кто впоследствии составят славу социалистической родины. Один из них – бывший слесарь Путиловского завода, а после один из организаторов советской автомобильной промышленности Иван Алексеевич Лихачев. И несть им числа.

Сам Маяковский незадолго до начала «отчетно-юбилейной» выставки подготовил специальные именные приглашения для представителей советской власти, руководителей партии, известных московских «генералов» от литературы. Как сообщает биограф Маяковского Александр Михайлов, выпустивший в 1988 г. внушительное исследование о жизни и деятельности поэта в серии «ЖЗЛ», чудом сохранившийся список для рассылки пригласительных билетов, собственноручно составленный Маяковским, являлся «внушительным и по количеству и по

составу». «В этом списке, – сообщает А.Михайлов, – Сталин, Молотов, Ворошилов, Каганович, работники Совнаркома и ВЦСПС, Наркомпроса, ЦК ВЛКСМ, представители Главискусства, Главреперткома, ОГПУ, газет и журналов (многие – поименно). Были приглашены рефовцы, члены Исполбюро Федерации писателей; а также поименно писатели Олеша, Сельвинский, Фадеев, Леонов, Мстиславский, Гладков, Безыменский, Ляшко, Светлов, Вс. Иванов, Эрдман...» Однако практически никто из приглашенных на юбилейную выставку поэта не пришел. По воспоминаниям современников подобное обстоятельство Маяковский воспринял как вызов и с вызова же начал свое вступительное обращение к собравшимся: «Ну что ж, ”бороды” не пришли – обойдемся без них!»

При несомненном успехе выставки среди московской общественности, центральные газеты обошли ее молчанием. Нервное напряжение поэта нарастало, усиливаясь неожиданно обострившейся болезнью голосовых связок. Практически все, кто в то время соприкасались по тем или иным вопросам с Маяковским свидетельствовали, что он находился «на грани». Судя по всему, недоставало *последнего* перед тем, как должна была наступить трагическая развязка. И такое *последнее* не заставило себя ждать.

На пределе сил

9 апреля 1930 г. состоялось последнее публичное выступление Владимира Маяковского перед большой аудиторией Московского института народного хозяйства имени Г.В. Плеханова. О том, в какой атмосфере проходило последнее выступление поэта, изможденного равнодушием недавних друзей, нескончаемой критикой новоявленных «товарищей» по РАППу и в конечном итоге все более усиливавшейся изоляцией, можно судить по первым же словам Маяковского, обращенным к аудитории. Биограф Маяковского А. Михайлов воспроизводит их по свидетельству очевидца.

«Отношусь к вам серьезно» – заявил Маяковский. В зале раздался смех. «Когда я умру, – неожиданно продолжил он, – вы со слезами умиления будете читать мои стихи». Вновь смех. Далее Маяковский начал было читать поэму «Во весь голос» – поэма о пятилетке и одновременно обращение поэта к потомкам в «коммунистическое далеко». Однако закончить чтение поэмы Маяковскому не дал усиливавшийся от раза к разу гул в аудитории. Маяковский перешел к непосредственному разговору с собравшимися, едва сдерживая напор мало обоснованных обвинений. Происходящее все более походило на специально спланированную акцию против поэта. Свидетельствует современник:

«Кто-то нагло врет, что у Маяковского есть стихотворение, в котором на полутора страницах повторяется тик-так, тик-так. Маяковский возмущен и поражен литературной неграмотностью студентов, он начинает отбиваться колкими репликами, он прямо говорит, что не ожидал такого низкого уровня культуры студентов высокоуважаемого учреждения.

Начинается настоящая перепалка. Кто-то из зала кричит: ”Демагогия!” Маяковский, перегнувшись через край трибуны, яростно приказывает крикуну: ”Сядьте!!” Тот продолжает орать. В зале шум. Все встают. ”Сядьте! Я вас заставлю молчать!!!”

Все притихли. Садятся. Владимир Владимирович на пределе сил. Он совсем болен. Он, шатаясь, спускается с трибуны и садится на ступеньки. Полная тишина. И все-таки он находит силы – читает ”Левый марш”, который сопровождается бурными аплодисментами. После этого примирительно говорит: – Товарищи! Сегодня наше первое знакомство.

Через несколько месяцев мы опять встретимся. Немного покричали, поругались, но грубость была напрасная. У вас против меня никакой злобы не должно быть...

Он ушел с этого вечера победителем: три четверти аудитории было за него». (Цит. по: *Михайлов А. ЖЗЛ: Маяковский. М., Молодая гвардия, 1988 г.*)

Но даже эта победа оптимизма Маяковскому не внушила. В ходе упомянутого выступления в Плехановском институте кто-то, пытаясь доказать необоснованность обращения Маяковского к потомкам, показал выдранную откуда-то станицу с портретом поэта. Поразительным было то обстоятельство, что продемонстрированная Маяковскому страница была выдрана из отпечатанного, но **еще не вышедшего в свет журнала**. Маяковский знал, что, пожалуй, единственным журналом, решившим откликнуться на его юбилейную выставку, стал журнал «Печать и революция». На специальном вкладном листе был помещен портрет Маяковского, а под ним приветствие редакции журнала: «В. В. Маяковского – великого революционного поэта, замечательного революционера поэтического искусства, неутомимого поэтического соратника рабочего класса – горячо приветствует "Печать и революция" по случаю 20-летия его творческой и общественной работы». Надо ли говорить, что подобные слова с трудом вписывались в недавние официальные оценки творчества Маяковского, сделанные РАППом.

Журнал уже был сверстан и отпечатан, как в самый последний момент в адрес редакции последовал администраторский окрик. По прямому распоряжению председателя правления Госиздата Артемия Халатова – «глупого армянина», по определению современника Маяковского Виктора Ардова, – из **готового тиража** (!) журнала портрет Маяковского был изъят, и в начале апреля «Печать и революция» вышла в свет, но уже без всякого упоминания о поэте революции.

Неизвестно знал ли Маяковский о том, что между обструкцией, устроенной ему в Плехановском институте, и изъятием его портрета из журнала «Печать и революция» имелась прямая связь. Дело в том, что глава Госиздата Халатов в 1927-1929 гг. являлся также ректором «Плехановки» и наверняка в 1930 г. имел не малое влияние на администрацию вуза. В этом свете, недоброжелательная, словно

специально настроенная против Маяковского аудитория Плехановского института и строгий выговор редакции журнала, поместившей ему приветствие, не могут не рассматриваться как осознанная и целенаправленная кампания против поэта революции. Знал об этом обстоятельстве сам Маяковский неизвестно, но все последующие месяцы вплоть до рокового выстрела он все чаще произносил слово «травля».

В предчувствии «острого времени»

Именно о травле говорил Маяковский во время одной из последних встреч с известным и влиятельным в те годы театральным критиком, начальником Московского управления по контролю за зрелищами и репертуаром в 1930-1939 гг. Владимиром Млечиным. После случайной встречи с В.Млечиным на открытии клуба мастеров искусств в Москве, Маяковский предложил своему тезке «развезаться» и те отправились пешком по улицам Москвы в поисках удобного заведения. Млечин подумал, что Маяковский хочет поиграть в бильярд, но услышал иное: «Посидим где-либо, поболтаем, – сказал Маяковский».

К сожалению, полностью воспоминания В.М. Млечина о Маяковском не опубликованы и по сей день. Но и из тех фрагментов, что оказались доступными читателю в связи со 110-летием Млечина в 2011 году, подчерпнуть можно многое. Особенно о психологическом состоянии поэта тех дней и о личной трактовке Маяковского происходивших с ним и вокруг него событий.

Когда на вопрос Маяковского, почему не опубликована рецензия Млечина на пьесу «Баня», тот деликатно указал на то, что «статья товарищам показалась расплывчатой», Маяковский не выдержал: «То есть недостаточно резкой? Товарищи боятся не попасть в тон разгромным статейкам? Скажите, чем объясняется это поветрие? Вы можете вспомнить, чтобы так злобно писали о какой-либо пьесе? И все – как по команде. Что это – *директива?*»

Млечин тщетно пытался убедить Маяковского, что все события последнего времени не более чем «результат неблагоприятного настроения, сложившегося на премьере» «Бани», пытался указать на некоторые, как ему казалось, промахи Мейерхольда при постановке пьесы в театре. Маяковский был неумолим: «Да при чем тут Мейерхольд! Удар наносится по мне – сосредоточенный, злобный, организованный. Не стоит сейчас спорить о достоинствах и недостатках пьесы и спектакля – за вечер достаточно наговорено. И не в них дело. Тон делает музыку. Непристойные рецензии – результат *организованной кампании*».

«Он был глубочайшим образом убежден, – вспоминает Млечин, – что рецензии на «Баню» не случайность, а звено в цепи систематической кампании, которую упорно называл «травля». Он утверждал, что этот

поход против него стал особенно яростным в связи с выставкой, которую он организовал к двадцатилетию своей литературной деятельности. Выставку, по его словам, он фактически создал сам и проделал гигантскую работу, чтобы «поднять эту махину»... Ему как революционному поэту не от чего отказываться. Из всего, что он сделал, нет строки, не продиктованной интересами революции».

Особую горечь, судя по колким репликам Маяковского, ему доставляло то обстоятельство, что в восемнадцатом году, после «Мистерии-Буфф», его поносили за то, что «продался большевикам», а теперь клеймят «со страниц *родных газет*». Во всем этом он видел «явное намерение подорвать доверие к нему, *вывести его из строя*».

Млечин вспоминал: «Но все-таки к вам хорошо относятся, — попробовал я возразить... — Например, Анатолий Васильевич Луначарский сказал мне, что в ЦК партии вас поддержали, когда возник вопрос об издании вашего собрания сочинений». «Да, Луначарский мне помогал. — Согласился Маяковский. — Но с тех пор *много воды утекло*».

«Маяковский был уверен, что враждебные ему силы находят у кого-то серьезную поддержку. Только этим можно объяснить, что никто из официальных лиц не пришел на его выставку, и не откликнулись большие газеты...

— Вы думаете, что «Правда» действовала по директиве? — переспросил я.

— А вы полагаете, что по наитию, по воле святого духа? Или по собственной инициативе? Нет, дорогой.

— Вы, мне кажется, все преувеличиваете. Статья в «Правде»? Модно говорить об уклонах — как не найти уклоны в литературе. Вот и статья о «левом уклоне». Там не только вам достается — вы там в компании с Безыменским и Сельвинским.

— На миру и смерть красна, конечно... Вы правы в другом: статья в «Правде» сама по себе не могла сыграть большой роли. Но вы никак не объясните, **почему выставку превратили в Голгофу для меня. Почему вокруг меня образовался вакуум, полная и мертвая пустота...**

Мне стало не по себе. Я не понимал безнадежности попыток убедить Маяковского, что все идет к лучшему в этом лучшем из миров, а его огорчения — следствие мнительности или, пуще того, необоснованных

претензий. Я не понимал, что выставка «За двадцать лет» для Маяковского – итог всей трудной жизни и он вправе, *именно вправе* ждать признания от высших органов государственной власти.

И я задал вопрос, который Маяковскому, вероятно, показался если не бестактным, то весьма наивным:

— Чего же вы ждали, Владимир Владимирович? Что на выставку придут Сталин, другие члены политбюро?

Ответ последовал вполне для меня неожиданный:

— А почему бы им и не прийти? *Отметить работу революционного поэта – обязанность руководителей советского государства.* Или поэзия, литература – дело второго сорта? Но помимо Сталина есть немало деятелей советской власти, многие прямо отвечают за положение на культурном фронте. Их тоже не было на выставке». Именно на это обстоятельство – «полное отсутствие признания со стороны правительства» – в числе прочих указывает современник Маяковского В.Ардов: «Пошляку Собинову дали орден, а на юбилей Маяковского... никто не пришел».

«Время надвигается *острое...* И позднее» – неожиданно сказал Маяковский в завершении памятного Млечину разговора. «Утром 14 апреля, – вспоминает Млечин, – мне позвонили домой: «Маяковский застрелился». (Здесь и выше цит. по: *Млечин В.М.* Как убивали Маяковского. Последние дни поэта. Электронная версия газеты «Московский Комсомолец» от 25 августа 2011 г. Курсив наш).

Второе пришествие Маяковского

После смерти Маяковского вожаки РАППа могли вздохнуть с облегчением. «Тема Маяковского», как им представлялось, была закрыта надолго – если не навсегда. Публикация полного собрания сочинений поэта была фактически приостановлена. Поэмы «Хорошо!» и «Ленин» изъяты из школьных программ. Мероприятия по увековечиванию памяти: переименование улиц, создание мемориального музея и единого архивного фонда поэта саботировались соответствующими инстанциями. Книги Маяковского исчезли с прилавков книжных магазинов. Вскоре, правда, в историю канул и сам РАПП: постановлением ЦК ВКП (б) «О перестройке литературно-художественных организаций» от 23 апреля 1932 г. он был расформирован ввиду создания единого для всей страны Союза писателей СССР.

Будучи не в силах пробить стену продолжавшейся посмертной блокады Маяковского, Лили Брик, официальная распорядительница творческого наследия поэта, решает обратиться к генеральному секретарю ЦК ВКП (б) И. Сталину.

В своем письме от 24 февраля 1935 г., Брик среди прочего, отмечала: «Прошло почти шесть лет со дня смерти Маяковского, и он еще никем не заменен и как *был, так и остался крупнейшим поэтом революции*. Но далеко не все это понимают. Скоро шесть лет со дня смерти, а Полное собрание сочинений вышло только наполовину, и то в количестве 10 000 экземпляров». И это при том, продолжает Брик, что «интерес к Маяковскому растет с каждым годом», а «его стихи не только не устарели, но они сегодня абсолютно актуальны и являются сильнейшим революционным оружием».

По словам Брик, недооценка «все растущего интереса к Маяковскому» вообще и «исключительного интереса, который имеется к нему у комсомольской и советской молодежи» в частности, следствие не понимания «нашими учреждениями» «огромного значения Маяковского – его агитационной роли, его революционной актуальности».

В заключение письма, Брик обращается лично к Сталину за поддержкой: «Я одна не могу преодолеть эти *бюрократические незаинтересованности* и сопротивление – и после шести лет работы

обращаюсь к Вам, так как не вижу иного способа реализовать огромное революционное наследие Маяковского. Л.БРИК».

Вскоре после отправки письма, Брик была приглашена на прием к тогдашнему председателю Комиссии партийного контроля ЦК ВКП (б) Николаю Ежову. Именно в рабочем кабинете Ежова Брик довелось увидеть на своем письме знаменитую сталинскую резолюцию следующего содержания:

«Тов. Ежов, очень прошу вас обратить внимание на письмо Брик. Маяковский *был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи*. Безразличное отношение к его памяти и произведениям – преступление. Жалобы Брик, по-моему, правильны. Свяжитесь с ней или вызовите ее в Москву. Привлеките к делу Таль и Мехлиса и сделайте, пожалуйста, все, что упущено нами. Если моя помощь понадобится, я готов. Привет! И. СТАЛИН».

По самому духу этой резолюции было очевидно, что это не простое благостное пожелание. Это руководство к действию. Подобным образом она и была воспринята и, соответственно, притворена в жизнь.

Вскоре, с тем же показным усердием, с каким прежде травили, функционеры бывшего РАППа принялись делать на Маяковском карьеру. И, надо признать, многие в этом даже весьма преуспели. Другие в годы «большой чистки» сами пали жертвами тех же самых ярлыков, коими прежде клеймили, заклеив до смерти, со всех официальных трибун Маяковского.

Но и без всяких резолюций очевидно, что Маяковский все равно оказался бы «в коммунистическом далеке» и, особенно, в числе борцов за непосредственное водворение оного. Он бы обязательно дошел туда, как и предрекал – «через головы поэтов и правительств».

Смерть – не сметь!

Самоубийство Владимира Маяковского стало отголоском целой череды самоубийств эпохи «великого перелома». Эхом этот выстрел в истории советского общества в дальнейшем отзовется еще не раз.

В определенный период к выстрелу в сердце как к последнему средству доказательства своей невиновности перед партией, народом и государством, предпочтет прибегнуть целый ряд партийных, советских и чекистских деятелей. Для некоторых такой способ станет чуть ли не единственной возможностью выразить несогласие с «генеральной линией», не вынося при этом сор из избы окруженного кольцом врагов небывалого прежде в истории государства-коммуны. Так падут среди прочих глава советских профсоюзов Томский и нарком тяжелой промышленности Орджоникидзе. Они все надеялись, что будут услышаны и приняты потомками *«в коммунистическом далеке»* – в наступление которого веровали безраздельно, и которое приближали всей своей жизнью. И даже ее ценой.

На эту характерную деталь эпохи, как на чрезвычайно врезавшееся в память современников обстоятельство именно в контексте гибели Маяковского, указывала позднее в своих воспоминаниях дочь Сталина Светлана.

Есть все основания полагать, что *во имя будущего* Маяковский пожертвовал не только собственной жизнью, но, что не менее важно для поэта – собственным произведением. Никто из исследователей творчества Маяковского не нашел впоследствии ни единого следа упомянутой им в автобиографии поэмы «Плохо». И это при том, что в высшей степени организованность творческого процесса и крайне трепетное отношение Маяковского к уже написанному была известна многим. Бриков, распорядителей творческого наследия поэта, вряд ли стоит винить в таинственном исчезновении поэмы. Сдается, что так же, как и самоубийство, исчезновение поэмы есть осознанный выбор революционного поэта, последний раз вставшего «на горло собственной песне» ради высших интересов того движения, которому служил.

К нарождавшейся *«бюрократиде»* – прямой противоположности практике и идеалов революции – многие отнесутся по-разному. Одни предпочтут приспособиться, чтобы через десятилетия мирно врать в

капитализм, став самой верной социальной базой антисоветского реванша. Этим бессмертным героям «Клопа» и «Бани» – вчерашним комсомольцам, вчерашним коммунистам, вчерашним рабочим – и по сей день безразлично куда вселяться: «в монархию, в коммуны ль», главное, чтоб «растанцеваться и распеться» никто не помешал.

Другие предпочтут борьбу с бюрократической коростой на теле первого в истории рабочего государства. Их судьбы также сложатся по-разному. Кто-то встроится. Кто-то перестроится. Кто-то будет «целиться в коммунизм», чтобы в конечном итоге «попасть и в Россию», ставшими, как окажется потом, исторически неразделимыми.

Поэт Владимир Маяковский предпочел борьбу и пал жертвой этой борьбы. Что, впрочем, вовсе не означает обратного исхода. Именно ради этого обратного исхода жил, творил и любил «лучший, талантливейший поэт нашей советской эпохи» Маяковский.

Приложение

Л.Ю. БРИК – И.В. СТАЛИНУ

21 января 1931г.

Уважаемый тов. Сталин,

Год тому назад, в день памяти Ленина, в Большом театре В.В. Маяковский читал последнюю часть своей поэмы «Ленин», и Вы при этом присутствовали.

Сейчас мы готовим к печати тот том Академического издания Маяковского, в который входит эта поэма. Мы хотим отметить это выступление с политической и художественной стороны. Поэтому обращаемся к Вам с просьбой написать несколько слов о Вашем впечатлении. Том должен быть сдан в печать 1 февраля — поэтому очень просим не задерживать с ответом.

Л. БРИК

Л.Ю. БРИК – И.В. СТАЛИНУ

24 февраля 1935 г.

Дорогой товарищ Сталин,

После смерти поэта Маяковского все дела, связанные с изданием его стихов и увековечением его памяти, сосредоточились у меня.

У меня весь его архив, черновики, записные книжки, рукописи, все его вещи. Я редактирую его издания. Ко мне обращаются за материалами, сведениями, фотографиями.

Я делаю все, что от меня зависит, для того, чтобы его стихи печатались, чтоб вещи сохранились и чтоб все растущий интерес к Маяковскому был хоть сколько-нибудь удовлетворен.

А интерес к Маяковскому растет с каждым годом.

Его стихи не только не устарели, но они сегодня абсолютно актуальны и являются сильнейшим революционным оружием.

Прошло почти шесть лет со дня смерти Маяковского, и он еще никем не заменен и как был, так и остался крупнейшим поэтом революции. Но далеко не все это понимают. Скоро шесть лет со дня смерти, а Полное собрание сочинений вышло только наполовину, и то в количестве 10 000 экземпляров.

Уже больше года ведутся разговоры об однотомнике. Материал давно сдан, а книга даже еще не набрана.

Детские книги не переиздаются совсем.

Книг Маяковского в магазинах нет. Купить невозможно.

После смерти Маяковского в постановлении правительства было предложено организовать кабинет Маяковского при Комакадемии, где должны были быть сосредоточены все материалы и рукописи. До сих пор этого кабинета нет.

Материалы разбросаны. Часть находится в московском Литературном музее, который ими абсолютно не интересуется. Это видно хотя бы из того, что в бюллетене музея имя Маяковского почти не упоминается.

Года три тому назад райсовет Пролетарского района предложил мне восстановить последнюю квартиру Маяковского и при ней организовать районную библиотеку имени Маяковского.

Через некоторое время мне сообщили, что Московский Совет отказал в деньгах, а деньги требовались очень небольшие.

Домик маленький, деревянный, из четырех квартир (Таганка, Гендриков переулок, 15). Одна квартира Маяковского. В остальных должна была разместиться библиотека. Немногочисленных жильцов райсовет брался расселить. Квартира была очень характерна для быта Маяковского. Простая, скромная, чистая.

Каждый день домик может оказаться снесенным. Вместо того, чтобы через пять лет жалеть об этом и по кусочкам собирать предметы быта и рабочей обстановки великого поэта революции, не лучше ли восстановить все это, пока мы живы.

Благодарны же мы за ту чернильницу, за тот стол и стул, которые нам показывают в домике Лермонтова в Пятигорске.

Неоднократно поднимался разговор о переименовании Триумфальной площади в Москве и Надеждинской улицы в Ленинграде в площадь и улицу Маяковского, но и это не осуществлено.

Это основное. Не говоря о ряде мелких фактов, как, например: по распоряжению Наркомпроса из учебников по современной литературе на 1935 год выкинули поэмы «Владимир Ильич Ленин» и «Хорошо!». О них и не упоминается.

Все это, вместе взятое, указывает на то, что наши учреждения не понимают огромного значения Маяковского — его агитационной роли, его революционной актуальности.

Недооценивают тот исключительный интерес, который имеется к нему у комсомольской и советской молодежи.

Поэтому его так мало и медленно печатают, вместо того, чтобы печатать его избранные стихи в сотнях тысяч экземпляров.

Поэтому не заботятся о том, чтобы — пока они не затеряны — собрать все относящиеся к нему материалы. Не думают о том, чтобы сохранить память о нем подрастающего поколения.

Я одна не могу преодолеть эти бюрократические незаинтересованности и сопротивление — и после шести лет работы обращаюсь к Вам, так как не вижу иного способа реализовать огромное революционное наследие Маяковского.

Л. БРИК

Мой адрес: Ленинград, ул. Рылеева, 11, кв. 5.

И.В. СТАЛИН. РЕЗОЛЮЦИЯ НА ПИСЬМЕ Л.Ю. БРИК

Тов. Ежов, очень прошу вас обратить внимание на письмо Брик. Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи. Безразличное отношение к его памяти и произведениям — преступление. Жалобы Брик, по-моему, правильны. Свяжитесь с ней или вызовите ее в Москву. Привлеките к делу Таль и Мехлиса и сделайте, пожалуйста, все, что упущено нами. Если моя помощь понадобится, я готов.

Привет!

И. СТАЛИН

**И.В. СТАЛИН – ВОЕННОМУ МОРЯКУ ИВАНУ ЗЕНУШКИНУ
ПО ПОВОДУ РУССКОГО ПЕРЕВОДА КНИГИ ДЖОНА РИДА
«ДЕСЯТЬ ДНЕЙ, КОТОРЫЕ ПОТЯСЛИ МИР»**

1 декабря 1924 [1]

Здравствуйтесь, тов. Зенушкин.

Письмо Ваше получил [2].

Хотя и мало у меня времени, однако постараюсь коротко ответить.

Джон Рид, конечно, не знал и не мог знать обстановки заседания ЦК от 16-го октября. Заседание происходило ночью, строго конспиративно, вдали от центра города. Конспиративность эта диктовалась не только условиями слежки вообще, но и особым положением Ленина, находившегося тогда в подполье и служившего объектом отчаянной охоты ищек Керенского. Уже из этого видно, что никто из не членов ЦК не мог присутствовать на этом заседании, и действительно, на заседании присутствовали только перечисленные в протоколе 12 человек. Фраза Джона Рида о рабочем, ворвавшемся на заседание ЦК, есть позаимствованная у сплетников фантазия американского социалиста, падкого на сенсацию. Советую обратиться с письмом к тов. Троцкому (или товарищам Бубнову, Ломову и т. д.) с вопросом сообщить правду об этой сплетне. Вы увидите, что все эти товарищи подтвердят Вам фантастичность сообщения Джон Рида.

Как могло случиться, что тов. Ленин дал предисловие к книге Джона Рида без всяких оговорок насчет некоторых неверных сообщений [3]? Я думаю, что Ленин не читал всю книгу Рида и дал предисловие лишь для того, чтобы содействовать распространению книги ввиду наличия в ней других очень важных качеств. Дело в том, что на другой день после победы Ильич и другие товарищи интересовались не отдельными фантастическими местами книги Джона Рида, а тем, чтобы противопоставить общее описание хода нашей революции в книге Джона Рида, в основном безусловно правдивое, той лжи и клевете, которую тогда распространяла западная европейская [4] печать. В этом был центр тяжести, а не в отдельных частных искажениях, допущенных в книге Джона Рида.

Почему тов. Крупская согласилась дать предисловие? Спросите тов. Крупскую, она, как знаете, жива и сумеет ответить.

2) Разговоры о том, что тов. Троцкий организовал Красную Армию и победу над Колчаком и Деникиным, преувеличены втрое, если не вчетверо. Вы ссылаетесь на политсловарь, который будто бы собрал сведения о т. Троцком из ЦК. Должен Вам сказать, что, во-первых, авторы словаря не пользовались ни одним документом из ЦК (они изложили в словаре свое мнение), во-вторых, если бы они обратились в ЦК за документами, то они убедились бы, что дифирамбы, воспеваемые тов. Троцкому, лишены почвы. Нам некогда было разрушать легенду о т. Троцком или о ком бы то ни было другом из «вождей», тем более, что легенды эти не представляли опасности для партии. Но теперь, когда на легендах стараются строить атаку на партию, мы, члены ЦК, в частности я, поставили перед собой целью бороться и с легендами. Это, пожалуй, не понравится кой-кому из товарищей, ищущих себе царя и услаждающих себя красивыми легендами. Но что поделаешь, - правду все же надо восстановить.

Советую Вам обратиться к тов. Троцкому и спросить его: правду ли я сообщил в своей речи о Деникине и Колчаке.

3) Что касается т.т. Каменева и Зиновьева, то я несколько не отрицаю их ошибок. Но я должен сказать, что их ошибки менее серьезны, чем ошибки тов. Троцкого до Октябрьской революции и после 17-го года. Мы не могли бы победить в Октябре, если бы у нас не было готовой сплоченной партии, скованной за период царизма от 1903 до 1917 года. Заслуга т.т. Зиновьева и Каменева состоит в том, между прочим, что они строили (конечно, вместе с другими лидерами) большевистскую партию в продолжение 15-ти лет. Тяжкий грех т. Троцкого состоит в том, что он разрушал в продолжение того же периода нашу большевистскую партию. Забывать эту разницу нельзя. Я уже не говорю о разногласиях по Брестскому миру и профдискуссии, когда тов. Каменев и Зиновьев стояли в одних рядах с Лениным против тов. Троцкого.

Вот почему я отношусь по-разному к ошибкам тов. Троцкого с одной стороны и т.т. Каменева и Зиновьева с другой стороны.

С коммунистическим приветом,

И.СТАЛИН

[1] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 735. Л. 36-38. Машинописный подлинник. Подпись - факсимиле. Имеется штамп: «Личный архив Ген. Секретаря Цека Р.К.П. т. Сталина».

[2] 26 ноября 1924 г. Вопросы к И.В. Сталину у моряка Зенушкина, старшины электриков из электролизной школы в Кронштадте, возникли при чтении речи Сталина на пленуме ВЦСПС 19 ноября.

И.Зенушкин: *«Вы выдвигаете положения, противоречащие некоторым словам Ильича, а также взглядам пролетариата на тов. Троцкого <...> Сравнение тов. Троцкого с левоэсерами у Вас, как мне кажется, не совсем удачно: Троцкий не делал взрыва в Леонтьевском пер. и не устраивал Ярославского восстания, тогда как левые эсеры делали и то, и другое».*

Зенушкин цитирует «Популярный политсловарь» (издание ГПП, 1924 г.): *Троцкий «организовал и руководил восстанием 25 октября... Организатор Красной Армии... Организовал победу над Колчаком, Деникиным <...>. Откуда брал эти сведения Главполитпросвет, разве не из ЦК партии, или это автономная республика какая? Я думаю, в обязанности ГПП не входит извращение действительности в пользу Троцкого <...> В течение 7-ми лет Троцкий был в глазах всего пролетариата не только вождем партии, а и вождем Армии <...> Троцкистом себя не считаю, Троцкого не поддерживаю».* Автограф письма Зенушкина (там же, л. 39-41).

19 сентября 1936 г. бывший матрос Зенушкин напишет объяснительное заявление по поводу этого письма Сталина и отправит его на имя Никитина и Мехлиса: *«От тогдашних мимолетных сомнений у меня не оставалось и следа. Мне и в голову не приходило рассказывать где-либо (на чистке, на проверке парт. документов) об этом письме. Для меня во всем этом эпизоде главное было одно: мне писал Сталин»* (там же, л. 42).

[3] Предисловие В.И. Ленина к американскому изданию книги Дж. Рида «Десять дней, которые потрясли мир» (1919 г. Впервые полностью напечатано на русском языке в книге: Джон Рид. «10 дней, которые потрясли мир». Изд.: М., «Красная новь», 1923 г.):

«Прочитав с громадным интересом и неослабевающим вниманием книгу Джона Рида: «Десять дней, которые потрясли весь мир», я от всей души рекомендую это сочинение рабочим всех стран. Эту книгу я желал бы видеть распространённой в миллионах экземпляров и переведённой на все языки, так как она даёт правдивое и необыкновенно живо написанное изложение событий, столь важных для понимания того, что такое пролетарская революция, что такое диктатура пролетариата. Эти вопросы подвергаются в настоящее время широкому обсуждению, но прежде чем принять или отвергнуть эти идеи, необходимо понять всё значение принимаемого решения. Книга Джона Рида, без сомнения, поможет выяснить этот вопрос, который является основной проблемой мирового рабочего движения.

Н.ЛЕНИН».

[4] После смерти Джона Рида его вдова активно поддерживала советскую власть. 10 августа 1921 г. Чичерин сообщал Каменеву: *«Вдова тов. Рида, известная вам Луиза Брайант, телеграфирует через Берлин с просьбой посылать ей телеграммы по адресу Берлин Отель Адлон Интерньюс для Брайант. Телеграммы будут ей пересылаться в Нью-Йорк. Она обещает, что будет непрерывно бороться на нашей стороне и будет перед нами ответственна за удачное использование наших сообщений. Обращаю на это Ваше внимание»* (РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2064. Л. 1).

Библиотечка сайта ООД «Трудовая Россия»

Наши координаты:

www.trudros.ru

trudross@yandex.ru

Станислав Рузанов

ТРЕТЬЯ РЕВОЛЮЦИЯ ВЛАДИМИРА МАЯКОВСКОГО

Научно-публицистическое издание

Подписано в печать: 07.08.2015.

Тираж 200 экз.

М.: Изд-во «Русский печатный двор», 2015.